

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-1>

<https://elibrary.ru/yiwjsg>

Государственная власть, духовенство и массовое трезвенное движение в России в 1858–1860 гг.

Татьяна Георгиевна Фруменкова ✉

Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,

✉ frumentat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6708-8233>

Tatiana G. Frumenkova ✉

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia,

✉ frumentat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6708-8233>

Людмила Геннадьевна Рогушина

Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,

lrogushina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1552-4849>

Lyudmila G. Rogushina

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia,

lrogushina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1552-4849>

Аннотация. Статья основана на материалах Российского государственного исторического архива (РГИА) и посвящена изучению взаимоотношений центральных и местных властей, православного и католического духовенства с крестьянами и представителями городских низов в ходе массового трезвенного движения против откупной системы в 1858–1860 гг. Движение против откупщиков, завышавших цены на «хлебное вино» при ухудшении его качества с целью извлечения прибыли, зародилось в Литве в народной среде. Католическое духовенство литовских и отчасти белорусских губерний, особенно духовенство Ковенской губернии во главе с тельшевским епископом М. Волончевским (Валанчюсом), как правило, оппозиционно настроенное к властям, присоединилось к народному движению, возглавило его, проповедями и мерами принуждения способствовало превращению его в массовое

© Фруменкова Т.Г., Рогушина Л.Г., 2026

© Frumenkova T., Rogushina L., 2026

сопротивление Петербургу под благовидным предлогом. Действия чиновников Министерства внутренних дел не дали заметных результатов. При активном участии духовенства бойкот системы винных откупов в Литве продолжался до восстания 1863–1864 гг. Православные священники по закону должны были предотвращать крестьянские волнения, но в то же время имели обязанность читать проповеди против пьянства, особенно во время Великого поста. Когда началось трезвенное движение, прихожане зачастую воспринимали эти проповеди как призыв к борьбе с откупщиками. Стихийно возникавшие общества трезвости наносили ущерб казне, откупщики жаловались на активное участие духовенства в трезвенном движении. В июне 1859 г. Синод по предложению Министерства финансов принял определение, по которому духовенству полагалось искоренять пьянство проповедями и личным примером, но воздерживаться от мер, не проистекавших из прямых пастырских обязанностей. Фактически священникам запретили поддерживать борьбу с откупной системой. Следствие по жалобам показало, что духовенство в целом выполняло указание Синода. Высшим церковным иерархам удалось изолировать православное духовенство от массового народного трезвенного движения, что поставило его в двусмысленное положение перед прихожанами и явно не способствовало росту его авторитета.

Ключевые слова: Синод, Министерство финансов, Министерство внутренних дел, духовенство, прихожане, откупная система, трезвенное движение, общества трезвости

Для цитирования: Фруменкова Т.Г., Рогушина Л.Г. Государственная власть, духовенство и массовое трезвенное движение в России в 1858–1860 гг. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 2. С. 388–433, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-1>; EDN: YIWJSG

State Power, Clergy, and Mass Temperance Movement in Russia in 1858–1860

Abstract. The article is based on the materials from the Russian State Historical Archive (RGIA) and is devoted to the study of the relationship between central and local authorities and Orthodox and Catholic clergy with peasants and representatives of the urban lower classes during the mass temperance movement against the tax-farming system in 1858–60. To make profit, tax farmers raised prices for “grain wine” (vodka) although its quality deteriorated; this resulted in movement against the tax-farmers, which originated in Lithuania among the people. The Catholic clergy of Lithuanian and partly Belarusian governorates, especially the clergy of Kovno Governorate, led by Telsze Bishop M. Volonchevsky (Valancius), were generally opposed to the authorities. They joined the national movement, headed it, and through sermons and compulsion helped to turn it into mass resistance to St Petersburg under a plausible pretext. The actions of the officials of the Ministry of Internal Affairs had no noticeable results. Until the uprising of 1863–64, the clergy actively participated in the boycott against the Lithuanian wine tax farming system. Orthodox priests were legally required to prevent peasant disturbances, but at the same time they had to preach sermons against drunkenness, particularly during Lent. When the temperance movement began, parishioners often perceived those sermons as a call to fight against the tax collectors. The spontaneous temperance societies damaged the treasury, the tax farmers complained about the active participation of the clergy in the temperance movement. In June 1859, at the suggestion of the Ministry of Finance, the Synod adopted a resolution according to which the clergy were supposed to eradicate drunkenness with sermons and personal example but avoid measures that did not stem from their direct pastoral duties. In fact, priests were forbidden to support the fight against

the tax-farming system. The investigation into the complaints showed that the clergy followed the instructions of the Synod. The highest Orthodox hierarchs managed to isolate the Orthodox clergy from the mass national temperance movement, which put them in an ambiguous position in front of parishioners and did not contribute to the growth of their authority.

Keywords: Synod, Ministry of Finance, Ministry of Internal Affairs, clergy, parishioners, tax system, temperance movement, temperance societies

For citation: Frumenkova, T.G., and L.G. Rogushina. "State Power, Clergy, and Mass Temperance Movement in Russia in 1858–1860." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 2 (2026): 388–433, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-2-1>; EDN: YIWJSG

Введение

В 1858–1860 гг. 32 губернии России охватило трезвенное движение – массовый протест податного населения против системы винных откупов, действовавшей в России с 1765 по 1863 г. Винные откупа – специфическая, характерная для дореформенных экономических отношений в России форма налогообложения в питейной торговле, практиковавшаяся в России до введения акцизного налога. Государство, владевшее винной монополией, по итогам публичных торгов на 4 года сдавало право торговать «хлебным вином» (водкой) в определенном районе. Откупщики платили в казну в качестве питейного налога установленную сумму, получали права государственных чиновников и могли вести торговлю вином для получения прибыли за счет потребителя¹. Размер откупа определялся из поступлений предшествовавшего года с надбавкой, установленной властями по соглашению с откупщиком. Доля питейных сборов в доходной части бюджета достигла в 1859 г. 43 %, а на 1859–1863 гг. была определена в 46 %². Это произошло благодаря значительному увеличению откупной суммы, возросшей после разорительной Крымской войны с 61,6 млн руб. в 1856 г. до 91,6 млн руб. в 1858 г.³ Чтобы сохранить доходность винной торговли, откупщики, с одной стороны, старались уменьшить свои затраты, приобретая самую дешевую и некачественную водку, а с другой, – повышали цену на «простое вино». Ухудшение качества водки и одновременный рост цен на нее спровоцировали трезвенное движение, которое на первом этапе – с осени 1858 до весны 1859 г. (на юго-западе – до весны 1860 г., в Литве – до 1863–1864 гг.) – приняло

¹ Гавлин М.Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи. XVIII–XIX вв. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13 / под редакцией Л.И. Бородкина. Москва: Издательство МГУ, 2007. URL: <https://clck.ru/3RsvVR> (дата обращения: 02.06.2024).

² Такала И.Р. Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России. Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 2002. С. 55.

³ Брандт П. Питейные сборы // Энциклопедический словарь / издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXIIIА. Петропавловский–Поватажное. Санкт-Петербург: Типо-литография И.А. Ефрона, 1898. С. 734.

характер бойкотирования системы винных откупов в форме организации обществ трезвости, действовавших и в 1860 г., и коллективного отказа пить вино. Летом 1859 г. по 15 поволжским губерниям прокатилась волна разгромов питейных заведений. Трезвенное движение вызвало беспокойство центральных и местных властей, а также поставило их в несколько затруднительное положение: как бороться с «преступлением трезвости»?

Конфликт откупщиков с низшими слоями населения оживленно обсуждали в газетах и журналах⁴, трезвенному движению уделили внимание революционеры-демократы⁵. Первым историческим трудом, осветившим причины трезвенного движения и упомянувшим об обвинениях властей в адрес духовенства как его вдохновителя, стала работа И.Г. Прыжова об истории кабаков⁶. Историки советского периода называли трезвенное движение 1858–1860 гг. «существенным элементом антикрепостнической борьбы крестьянства в период революционной ситуации 1859–1861 гг.»⁷. В.А. Федоров прямо и аргументированно объявил «лживой» версию о руководящей роли духовенства в трезвенном движении, но уклонился от освещения событий в Литве⁸. В предисловии к сборнику документов по истории крестьянского движения С.Б. Окунь подчеркивал, что значение трезвенного движения «далеко выходит за рамки борьбы с злоупотреблениями откупщиков», что непосредственную угрозу власти видели в характерном для него «удивительном единодушии»⁹. Советский литовский историк С.А. Лазутка показал, что движение не было чисто литовским явлением, исключительно

⁴ Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Санкт-Петербург; Москва: Молодые силы, 1914. С. 240, 242–248, 250.

⁵ Чернышевский Н.Г. Откупная система // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений / под редакцией В.Я. Кирпотина и др. Т. 5. Статьи 1858–1859. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 318–336; Добролюбов Н.А. Народное дело. Распространение обществ трезвости // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений. Т. 5. Статьи и рецензии. Июль–декабрь 1859. Москва; Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 246–285; «Колокол». Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон–Женева. Вып. 2. 1859. Лондон (1 июня 1859). Москва: АН СССР, 1962. С. 364–365; «Колокол». Вып. 3. 1860. Лондон (1 апреля 1860). Москва: АН СССР, 1962. С. 566.

⁶ Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Санкт-Петербург; Москва: М.О. Вольф, 1868. С. 288–296.

⁷ Федоров В.А. Крестьянское трезвенное движение // Революционная ситуация в России в 1858–1860 гг. / под редакцией М.В. Нечкиной и др. Москва: АН СССР, 1962. С. 107.

⁸ Федоров В.А. Крестьянское трезвенное движение. С. 113, 115–116.

⁹ Окунь С.Б. Предисловие // Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 гг.: сборник документов / под редакцией С.Б. Окуня, К.В. Сивкова. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1963. С. 18–19.

«делом рук католического духовенства». Авторы обобщающего советского труда по истории Литвы при этом признавали:

Отрицательной чертой движения являлось то, что руководство им оказалось в руках католического духовенства, которое при помощи «братств трезвенности» укрепляло свое влияние на народные массы¹⁰.

Белорусский историк Т.С. Протьюко обосновала причины особой остроты отношений с откупщиками и изложила развитие трезвенного движения в белорусских губерниях¹¹. В современной России специалисты энергично изучают историю питейного дела в России, в том числе, историю откупной системы и причины ее кризиса, а также «отечественные питейные традиции», однако трезвенному движению и борьбе с ним государственной власти уделяют значительно меньше внимания¹².

Трезвенное движение 1858–1860 гг. сегодня рассматривается как борьба против откупной системы и выступления против пьянства. Впрочем, И.Р. Такала в своей монографии вскользь отмечает: принимая против движения чрезвычайные меры, власти опасались, что трезвенные бунты могут перерасти в общее восстание крестьян «за волю»¹³. О вовлечении в движение духовенства она не упоминает. Лишь И.В. Курукин и Е.А. Никулина обратили внимание на то, что в противостоянии трезвенному движению Министерство финансов обращалось за помощью к православному духовенству¹⁴.

Зарубежные авторы сосредоточены на проблеме пьянства, особенно в начале XX в. и в советский период, и на истории борьбы с ним¹⁵. Только Д. Кристиан

¹⁰ Лазутка С.А. Революционная ситуация в Литве. 1859–1862 гг. Москва: Высшая школа, 1961. С. 89–93; Таутавичюс А., Юргинис Ю. и др. История Литовской ССР (С древнейших времен до наших дней). Вильнюс: Мокслас, 1978. С. 185.

¹¹ Протьюко Т.С. В борьбе за трезвость. Страницы истории. Минск: Наука и техника, 1988. С. 52–59.

¹² Питейное дело и трезвенническое движение в России с древнейших времен до наших дней: сборник материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) / составитель А.И. Раздорский. Санкт-Петербург; Москва: Старая Басманная, 2022.

¹³ Такала И.Р. Веселие Руси. С. 87.

¹⁴ Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России. Москва: АСТ, ЛЮКС, 2005. С. 203.

¹⁵ Alcohol and Alcohol Abuse // The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union / edited by A. Brown et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 463–465; White S. Russia Goes Dry: Alcohol, State and Society. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1996; Афанасьева В. Производство и потребление алкоголя и борьба с пьянством в Калужской губернии (1894–1914 гг.) // Питейное дело и трезвенническое движение в России с древнейших времен до наших дней: сборник материалов Международной научной

дает подробный анализ истории трезвенного движения конца 1850-х гг. в полемике с Н.А. Добролюбовым и советскими историками, а также оценку участия в движении католических ксендзов¹⁶.

Основная часть

Общества трезвости появились во второй половине 1858 г. в Ковенской, Виленской и Гродненской губерниях. Официальные круги и сами ксендзы называли инициатором их создания католическое духовенство. Подобную точку зрения разоблачал еще Н.А. Добролюбов, заметивший, что ее авторы радовались усилиям духовенства и оставляли «в стороне народ, на который его внушения действовали»¹⁷. Советские историки доказали, что сообщения об организации ксендзами «братств трезвости» стали поступать только в октябре – ноябре 1858 г., а отказ от употребления водки и начало трезвенного движения в Ковенской губернии относится к августу – сентябрю того же года¹⁸. Им удалось также объяснить, почему трезвенное движение началось в белорусско-литовских губерниях. Организация питейного дела здесь была иной. Казенный откуп распространялся на города с двухверстной чертой от них, а в остальных местах право на производство и продажу вина сохраняли помещики, что еще более обостряло их отношения с крестьянами¹⁹.

Документы свидетельствуют, что трезвенное движение в Литве зародилось в народной среде летом 1858 г. Католические священники быстро присоединились к народному негодованию, возглавили движение и сумели использовать намерения активных прихожан для укрепления своего влияния на широкие круги верующих. Автор заметки, помещенной в № 7 «Новгородских губернских ведомостей» за 1859 г., утверждал, что в борьбе с дорогой водкой нужно брать пример с крестьян Ковенской губернии, которые «сговорились не пить водки и крепко держат зарок». Речи ксендзов вызывали у прихожан, иногда вопреки воле самих проповедников, единодушное решение «отказаться

конференции (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) / составитель А.И. Раздорский. Санкт-Петербург; Москва: Старая Басманная, 2022. С. 41–42; Смелова А.В. Алкоголь и политика Российской империи в конце XIX – начале XX в. на примере анализа истории и идеологии Казанского общества трезвости // Питейное дело и трезвенническое движение в России с древнейших времен до наших дней: сборник материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) / составитель А.И. Раздорский. Санкт-Петербург; Москва: Старая Басманная, 2022. С. 667–674.

¹⁶ Christian D. “Living Water”: Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 286–352.

¹⁷ Добролюбов Н.А. Народное дело. Распространение обществ трезвости. С. 263.

¹⁸ Лазутка С.А. Революционная ситуация в Литве. С. 89.

¹⁹ Протьюко Т.С. В борьбе за трезвость. С. 52–53.

от употребления спиртных напитков»²⁰. Тем представителям католического духовенства, которые проявили нерасторопность на ранних этапах, приходилось пропагандировать трезвость уже под прямым давлением своей паствы. Тельшевский епископ М. Волончевский (Валанчюс) утверждал, что жители ряда приходов «нареканиями и во многих местах угрозами заставили духовных наставников к провозглашению трезвости»²¹.

Развернув мощную проповедническую деятельность и вскоре «исчерпав волю прихожан», ксендзы во главе с епископом начали действовать «методами, принадлежащими одному правительству», и решились «полностью воспретить народу употребление вина». Для достижения цели «употреблялись религиозные угрозы» (отлучение от церкви, лишение таинств и обрядов), наказания розгами и нагайками, заключение «в этапных тюрьмах», а там, где их не было, – в «тюрьмах, специально устроенных, в колодках или цепях, аресты, публичные посрамления» (провинившегося могли вымазать дегтем, надеть на шею доску с указанием вины, водить в позорном виде вокруг костела, нередко – на коленях, укладывать для позора на полу храма и т.д.)²².

«Действия духовенства произвели поразительное влияние на умы простолюдинов», и в ноябре 1858 г. в Ковенской губернии было 40–50 тыс. человек, «добровольно согласившихся выполнять присягу» о трезвости²³. В начале 1859 г. движение охватило значительную часть жителей Ковенской губернии, распространилось на соседние губернии, и к началу 1860 г. в братствах трезвости в Виленской губернии состояло 321 195 человек²⁴, в Гродненской в мае 1859 г. – 22 850 человек (участников трезвенного движения в середине 1859 г. здесь насчитывалось более 220 140 человек)²⁵, а в Ковенской губернии в июле 1860 г. из 820 754 католиков «воздерживающихся от питья» было, по данным епископа М. Волончевского, 488 464 человека²⁶. По мнению С.А. Лазутки, власти не имели возможности вести прямую борьбу против такого массового движения и потому медлили с принятием карательных мер²⁷. Только в марте 1859 г. Министерство внутренних дел разослало отношение

²⁰ Новгородские губернские ведомости. Отд. 2. Часть неофициальная. К № 7 1859 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 12.

²¹ Записка о действиях епископа Волончевского // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 279 об.

²² Записка о действиях римско-католического духовенства Ковенской губернии // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 250–252.

²³ Там же. Л. 251.

²⁴ Лазутка С.А. Революционная ситуация в Литве. С. 90.

²⁵ Протько Т.С. В борьбе за трезвость. С. 54–55.

²⁶ Ведомость о числе лиц римско-католического исповедания Тельшевской епархии, воздерживающихся от питья // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 240, 244.

²⁷ Лазутка С.А. Революционная ситуация в Литве. С. 91.

начальникам губерний за подписью министра С.С. Ланского о запрещении и уничтожении обществ трезвости. В белорусских губерниях, где многие жители были православными и размах движения был меньше, администрация могла действовать более решительно. Так, в Новогрудке (Минская губерния) оштрафованы были даже те, кто расклеивал обращения к жителям с призывом не пить водки²⁸. Трезвенное движение в северо-западных губерниях имело «ряд специфических особенностей, связанных с религиозным и национальным моментами»²⁹. В Ковенской губернии, по сообщению ревизора, местное гражданское начальство, во главе которого «стоит католик», было равнодушно к жалобам на ксендзов, в результате «народ не видит, что есть какая-либо другая власть, кроме духовенства»; предписания министров митрополиту римско-католических церквей в России «объявлялись, а не исполнялись»³⁰.

В конце 1859 – начале 1860 г. Виленский генерал-губернатор В.И. Назимов и Ковенский военный губернатор С.Ф. Хоминский не раз обращались к епископу с запросами о численности братств трезвости в епархии. Очередной запрос был датирован 5 марта 1860 г. Ситуацией, связанной с уменьшением поступлений от откупщиков, озаботилось и Министерство финансов. 1 марта 1860 г. министр А.М. Княжевич распорядился командировать в Ковенскую губернию «для собрания сведений о положении тамошнего акцизного откупа» советника Минской казенной палаты коллежского асессора А.В. Столяревского³¹. Секретная инструкция первоначально предписывала ему негласно проверить поступившие в Петербург сведения о злоупотреблениях откупщиков и служащих казенной палаты³². В донесении от 16 марта 1860 г., подготовленном на основе первых наблюдений, чиновник сдержанно отметил: у него сложилось

грустное убеждение, что действия неисправных содержателей были слишком недобросовестные, распоряжения казенной палаты отличались поразительной слабостью³³.

²⁸ Протько Т.С. В борьбе за трезвость. С. 58.

²⁹ Федоров В.А. Крестьянское трезвенное движение. С. 113.

³⁰ Записка о действиях римско-католического духовенства Ковенской губернии // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 253, 255.

³¹ Предписание министра финансов советнику Минской казенной палаты Столяревскому // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 3.

³² Отпуск секретной инструкции Министерства финансов Столяревскому // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 4.

³³ Секретный рапорт Столяревского министру финансов // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 14–14 об.

По сути, предварительный вывод ревизора заключался в том, что главной причиной трезвенного движения явились злоупотребления откупщиков и потворствующих им чиновников.

27 мая 1860 г. А.В. Столяревский получил «особенно секретное» предписание министра. Он должен был, во-первых, «удостовериться на месте о причинах распространяющегося там братства трезвости и о числе приписанных к этому братству»; во-вторых, определить, в «какой степени участвует в том католическое духовенство и какие меры оно принимает для распространения означенного братства»; в-третьих, выяснить, действительно ли «это духовенство с тех пор, как стало известно, что состоялись новые торги на отдачу откупа, усилило свои действия к распространению братств трезвости, и, основываясь на циркулярном предписании своего епископа, вновь начало приводить к присяге своих прихожан не употреблять вино до самой смерти»; наконец, в-четвертых, узнать, какие именно «возникали жалобы на духовенство, ...и чем они разрешены»³⁴. Ревизору явно дали понять, что ему нужно сосредоточиться на выяснении роли католического духовенства в трезвенном движении. В докладе, отправленном 24 апреля 1860 г., А.В. Столяревский вновь попытался обратить внимание начальства на «действия неисправных содержателей» откупа. Он заявил, что «учение католического духовенства о трезвости, получившее в Ковенской губернии начало свое в исходе 1858 г., не было известно при торгах ...с 1859 по 1863 г.». Откупщики сами предложили повышенную сумму в 948 тыс. руб., за первый год не додали в казну около 100 тыс. руб., в основном, по собственной вине – «сами неисправны»³⁵.

В июле 1860 г. А.В. Столяревский представил в столице собранный им комплекс документов о деятельности католического духовенства Ковенской губернии. Как писал в своей докладной записке в министерство один из откупщиков, посланные им служители именно в марте 1860 г., когда ревизор прибыл на место,

в Ковенской губернии заметили необыкновенное движение народа к церквям и чрезвычайную деятельность местного католического духовенства к приведению народа к присяге³⁶.

³⁴ Особенно секретно. Отпуск предписания министра финансов Столяревскому // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 25–28.

³⁵ Рапорт советника Минской казенной палаты Столяревского // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 34–37 об.

³⁶ Докладная записка содержателя акцизных сборов по Ковенской губернии полтавского 1 гильдии купца Горвица // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 16.

12 марта 1860 г. М. Волончевский сообщил подчиненному духовенству о просьбе военного губернатора собрать сведения «о числе лиц, принадлежащих к трезвости». В связи с этим епископ предписал составить «книги» с именами трезвенников и их детей. Записанные в книги должны были с клятвой подтвердить свой обет «пред алтарем или образом». К распоряжению прилагалась форма присяги с обещанием «с помощью Божией воздерживаться от всех горячих напитков»³⁷.

Содержатель откупа по Ковенской губернии купец первой гильдии Горвиц считал циркуляр епископа важной вехой в расширении и углублении трезвенного движения³⁸. Ему вторил А.В. Столяревский, который, как уже отмечалось, не раз критиковал откупщиков, но в этом случае согласился с мнением одного из них. Он писал:

¾ католического населения до марта 1860 г. покорены требованием не употреблять вина, а в марте сделана окончательная победа над всем населением³⁹.

Получив мартовское предписание епископа, ксендзы лишней раз убедились, что

братства вполне одобрены... начальством. В Тельшах уездный судья и казначей участвовали в торжественном шествии со всеми чиновниками в костел и приняли присягу. Таковые действия духовенства вынудили нынешних содержателей воздержаться с заключением контракта на содержание сборов⁴⁰.

Ревизор утверждал, что назначенные духовенством наказания нарушителям исполнялись «или в сельских управлениях Министерства государственных имуществ, или тысяцкими, сотскими и десятскими земской полиции, духовенством» и нищими, а также «особо верными братству людьми»⁴¹.

Даже историки советского периода признавали, что, начавшись в народной среде и захватив большинство населения, трезвенное движение в Литве очень скоро приняло религиозную оболочку. Впрочем, сообщая о наказаниях,

³⁷ Копия. Пер. с польского. Циркуляр Жмудского бискупа духовенству Жмудской епархии с формой присяги // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 21–22.

³⁸ Докладная записка содержателя акцизных сборов по Ковенской губернии Полтавского 1 гильдии купца Горвица // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 16–16 об.

³⁹ Записка о действиях римско-католического духовенства Ковенской губернии // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 252–252 об.

⁴⁰ Там же. Л. 257 об.–258.

⁴¹ Там же. Л. 251 об.–252 об., 259.

назначаемых ксендзами, С.А. Лазутка называл их «единичными случаями»⁴². Думается, это не совсем верно. В собранных А.В. Столяревским жалобах и рапортах полицейских, сведенных в таблицу, названы имена 93 пострадавших от борьбы за трезвость жителей Ковенской губернии, в основном, крестьян, приведены сведения о разгоне посетителей питейных заведений в ряде сел и об одном разрушенном доме⁴³. На фоне почти полумиллиона «воздерживающихся от питья» эти цифры выглядят ничтожными, но многие факты противоправной трезвенной деятельности католического духовенства – с учетом его влияния на верующих – в документах не отразились.

По мнению некоторых советских авторов, убедительным подтверждением народного характера трезвенного движения в Литве явилась полная неспособность священнослужителей остановить его по требованию властей. Духовенство и в самом деле не смогло прекратить движение, но в значительной степени потому, что и не хотело этого делать. Поддерживая и развивая движение за трезвость, служители католической церкви почувствовали себя религиозными и национальными лидерами, оппозиционерами. В реальности же они вели борьбу против государственной власти, прикрываясь самым благовидным предлогом. Так, епископ М. Волончевский ловко обманул местную и центральную администрацию, изобразив себя ревностным исполнителем ее предписаний и при этом организовав запрещенную в православных районах империи присягу с подтверждением обета трезвости. В июле 1860 г. А.В. Столяревский сообщал, что генерал-губернатор потребовал от М. Волончевского объяснения, но не получил «уважительного оправдания». В.И. Назимов обратился к епископу с просьбой уничтожить «означенное распоряжение» о составлении «книг» со списками трезвенников и приведении прихожан к присяге. Чем ситуация разрешится, по мнению ревизора, было неизвестно, но решение главы епархии «едва ли поможет делу»⁴⁴. Ревизор оказался прав: массовый бойкот системы винных откупов, наносивший большой ущерб казне, продолжался в Литве вплоть до восстания 1863–1864 гг.⁴⁵

⁴² Лазутка С.А. Революционная ситуация в Литве. С. 91.

⁴³ Списки 16 рапортов земских исправников, 2 рапортов станового пристава и рапорта городничего; 21 донесение акцизных надзирателей; жалобы обиженных лиц на действия духовенства в списках // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 100–195; Записка о насилиях, которые употребляемы были римско-католическим духовенством Ковенской губернии при воспрещении прихожанам употреблять вино // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 250–260 об.

⁴⁴ Записка о действиях римско-католического духовенства Ковенской губернии // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 29. Л. 259.

⁴⁵ Лазутка С.А. Революционная ситуация в Литве. С. 93.

Иронизируя над обвинениями в адрес католических ксендзов, герценовский «Колокол» писал, что

администрация преследует общества трезвости не только в Виленской губернии, но и в Калужской, где нет католического духовенства, и в других совершенно православных губерниях, где попы сами пьют, и никого от пьянства не удерживают⁴⁶.

В начале 1859 г. трезвенное движение стало стремительно распространяться по внутренним районам России и серьезно встревожило столичное начальство. В министерства шел поток жалоб с мест.

Проблема обсуждалась в Совете Министров, и 5 марта 1859 г. Александр II поручил министрам «представить о тех мерах, которые признают они необходимыми принять в настоящем случае»⁴⁷. Еще 3 марта министр финансов предписал казенным палатам «внушить содержателям» не повышать цену на хлебное вино и продавать его «по указанным ценам и в указанной добротe», а 5 марта направил коллегам-министрам проект циркуляра, адресованного начальникам губерний⁴⁸. 19 марта циркуляр министра государственных имуществ был послан руководителям подведомственным палат. Они должны были напомнить подчиненным, что крестьянские сходы не могут предлагать властям «решения к обязательному исполнению», назначать караулы к питейным заведениям и «наказание за употребление вина»⁴⁹. 22 марта 1859 г. министр внутренних дел отправил начальникам губерний циркуляр «О воспрещении понудительных мер к сохранению трезвости»⁵⁰.

В апреле 1859 г. три чиновника особых поручений Министерства финансов отправились в секретные командировки «для наблюдения по питейной части». Статский советник Я.Г. Вейде должен был объехать 11 губерний Поволжья и Приуралья, коллежский асессор Е.М. Короленко – 9 губерний Центральной

⁴⁶ Смесь // «Колокол». 1859. Вып. 2. С. 365.

⁴⁷ Всеподданнейший рапорт министра финансов А.М. Княжевича о вреде, причиняемом казне особыми обществами и самовольными приговорами на счет употребления хлебного вина. 5 марта 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 22.

⁴⁸ Проект циркулярного предписания министра внутренних дел С.С. Ланского. 3 марта 1859 г.; Циркулярное предписание министра финансов. 5 марта 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 36, 119.

⁴⁹ Циркуляр министра государственных имуществ М.Н. Муравьева 19 марта 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 61–61 об.

⁵⁰ Циркуляр министра внутренних дел начальникам губерний. 22 марта 1859 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 29. 2 отд. I ст. Д. 20. Л. 3.

России, статский советник А.А. Севастьянов – 9 северо-западных губерний⁵¹. Наблюдая «за исполнением откупщиками правил», проверяющие обязывались

обратить особенное внимание на... общества трезвости и дознать: ...добровольно ли оные составились, или были увлечены к тому и кем именно⁵².

Проверка выявила неприятную для центра картину. По сведениям Я.Г. Вейде, почти все участники движения отказались от вина «совершенно добровольно», «без постороннего участия», кое-где – «по побуждению местного духовенства». О «мнимых обществах трезвости», в частности, в Саратовской губернии, в начале 1860 г. ревизору рассказывали, как о «происшествии быстро промелькнувшем», которое было «умышлено газетными статейками, злобно противу откупов направленными». Они создавались «по настаиванию помещиков», в казенных селах – по «требованиям волостных и сельских начальников, способствовало также местное духовенство с церковными обрядами»⁵³. Кроме того, чиновник отметил «дурное свойство» водки, особенно в Самарской губернии, «мутной, цветом желто-сероватого, с отвратительным запахом и вкусом»⁵⁴. Осторожный А.А. Севастьянов указал только на случаи внешнего воздействия на крестьян. По его словам, в Тотемском уезде Вологодской губернии общества трезвости создавались «чрез увещание... священников, которые стращали крестьян ...в случае неповиновения не ходить к ним на св. пасхе с образами», у удельных крестьян «составил общество» авторитетный удельный голова Попов, в Ярославской губернии крестьяне отказывались пить «по убеждению помещиков», а в Тверской – общества «стали следствием гласности, статей в газетах», и опять-таки увещаний священников⁵⁵.

⁵¹ Министерство финансов. Отношение Департамента разных податей и сборов Департаменту государственного казначейства. Апрель 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 219–219 об.

⁵² Секретно. Предписание министра финансов председателю Санкт-Петербургской казенной палаты от 5 мая 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 241–242 об.

⁵³ Донесение статского советника Вейде министру финансов. Из Костромской губернии. 10 июля 1859 г.; Донесение статского советника Вейде министру финансов. Из Саратовской губернии. 6 февраля 1860 г.; Донесение статского советника Вейде министру финансов. Из Пензенской губернии // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 351 об.–353, 525, 531 об.

⁵⁴ Донесение статского советника Вейде министру финансов. Из Самарской губернии. 10 ноября 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 490 об.–491.

⁵⁵ Отчет Севастьянова по всем губерниям. 26 сентября 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 451–455 об.

Самым откровенным и склонным к обобщениям оказался Е.М. Короленко. В рапорте от 14 апреля 1860 г. он отметил, что

общества трезвости возникли как противодействие откупам вследствие возвышения содержателями откупов последнего периода цен на вино, ... главным поводом было всегда возвышение цен. Морального побуждения к воздержанию от употребления вина, можно сказать, нигде не было, хотя открытие обществ сопровождалось иногда молебствиями и тому подобными религиозными обрядами. Это доказывается тем, во-первых, что общества трезвости при понижении откупщиками цен на вино тотчас же распадались, а, во-вторых, что они вовсе и не возникали там, где вино продавалось и продается по низшим... ценам. Общества трезвости составлялись... большей частью по словесному между крестьянами условию не пить вина, и распадались по такому же словесному их решению, а иногда даже и без разрешения со стороны мира... Кроме редких случаев, когда эти условия были выражены в проповедях, ... нет никакой возможности... узнать даже о времени, когда общества... начали свое существование⁵⁶.

Первое отношение обер-прокурору Св. Синода графу А.П. Толстому с изложением жалоб на причастность духовенства к трезвенному движению министр внутренних дел отправил 4 апреля 1859 г. Сначала Синод по поручению обер-прокурора расследовал отдельные претензии чиновников. 10 июня 1859 г. по указу императора Синод принял определение в связи с «обнаружившимся в некоторых местах стремлением к трезвости». Его содержание ярко демонстрирует то двусмысленное положение, в котором оказались представители духовенства – от архиереев до причетников. По закону священники были обязаны предотвращать народные волнения⁵⁷. При этом многие духовные лица вовсе не соответствовали упомянутой выше иронической характеристике «Колокола». Пропаганда умеренности и воздержания от спиртных напитков входила в их служебные обязанности, особенно во время Великого поста, что и спровоцировало жалобы на

⁵⁶ Рапорт коллежского асессора Короленко министру финансов // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 549–549 об.

⁵⁷ № 17958. – Мая 7. Синодский. «О наблюдении Епархиальным Архиереям за священно и церковнослужителями, дабы они при возмущении крестьян старались отвращать от онога» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание 1 (далее – ПСЗ-1). Т. 24. С 6 ноября 1796 по 1798. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. С. 606–608; № 19479 – Июля 9. Синодский «О подтверждении всем священно и церковнослужителям с подписками, дабы они в возмущение крестьян не вмешивались» // ПСЗ-1. Т. 26. 1800–1801. С. 226–227.

служителей церкви, якобы силой удерживавших прихожан от пьянства. Необходимость реагировать на доносы вызвала определенное затруднение у синодальных архиереев. Церковным иерархам вовсе не хотелось руководить борьбой против «преступления трезвости». Неловкость чувствуется в самих официальных документах. В представлении исполнявшего должность обер-прокурора Синода С.Н. Урусова членам Синода от 12 мая 1859 г. сообщается, что откупщики пожаловались «на удержание духовенством прихожан своих от пьянства». В отпуске документа слово «пьянство» зачеркнуто и заменено выражением «употребление горячего вина»⁵⁸. Синод медлил, но в конечном итоге ему пришлось подчиниться официальной линии. В определении от 10 июня 1859 г. высшие церковные иерархи, как бы оправдываясь перед светскими властями, решительно заявили:

Содействие приходского духовенства к поддержанию и усилению обнаружившейся в некоторых городах и селениях решимости прихожан воздерживаться от употребления вина вполне приличествует долгу служения пастырского⁵⁹.

Священники «имеют непрременную обязанность пещись» об искоренении «греховных привычек», проповедовать в храмах и доказывать пользу трезвости «живым примером собственной жизни»⁶⁰. В то же время, Синод запретил духовенству применять в борьбе за трезвость такие меры, которые «не истекают прямо из пастырских обязанностей... и не основаны на положительных узаконениях». Суть этих мер циркуляр не раскрывал. Главы трех епархий получили предписание провести дознание по всем поступившим жалобам⁶¹.

Расследование обнаружило несостоятельность большинства доносов. Как и следовало ожидать, духовные лица не являлись инициаторами и лидерами трезвенного движения. Гвоздь вопроса состоял в том, что в России в тот момент, по едкому определению герценовского «Колокола», «кабак поднялся в ранг церкви и дворца», и оскорбление кабака стало «оскорблением величества. Кража вина – не просто кража, а винотатство»⁶². В такой атмосфере и проповеди о воздержании, и привычка верующих утверждать важное для них решение молебном в церкви оказались почти крамольными. Ранее спокойно

⁵⁸ Предложение за обер-прокурора Урусова Св. Синоду. 12 мая 1859 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 29. 2 отд. I ст. Д. 20. Л. 7.

⁵⁹ Определение Св. Синода. 10 июля 1859 г. // РГИА. Ф. 759. Оп. 140. Д. 560. Л. 32.

⁶⁰ Там же. Л. 32–33 об.

⁶¹ Там же. Л. 33 об. – 35.

⁶² Смесъ // «Колокол». 1860. Вып. 3. С. 566.

воспринимавшие поучения соблюдать умеренность, прихожане стали реагировать на них с пылом и вдохновением. Получив благодарных слушателей, некоторые священники в неподходящей для властей обстановке увлеклись проповедничеством. Подобно католическим ксендзам, они попытались использовать трезвенное движение для укрепления своего авторитета в народе. В таких случаях по просьбе прихожан священник обычно совершал молебствие для освящения принятого ими обета не пить «горячего вина». Нередко крестьяне или мещане, не очень доверявшие своим пастырям, самостоятельно договаривались не пить водки. Позднее они либо извещали духовных лиц о своем намерении и требовали провести по этому поводу молебен и организовать присягу, либо обманывали их и находили для молебна другой повод. Не служители церкви воодушевляли прихожан на принятие присяги, подтверждавшей их решение не употреблять спиртных напитков, и наложение взысканий на ослушников. Напротив, общественное мнение заставляло духовенство включаться в пропаганду трезвости, проводить молебствия, благословлять обязательства не пить вина и даже санкционировать решения о наказаниях для нарушителей.

Нередко представители светских властей сами убеждались, что православное духовенство не являлось вдохновителем трезвенного движения. В апреле 1859 г. министр внутренних дел сообщал обер-прокурору Синода, что во многих селениях Тульской губернии священников приглашали «для служения молебнов в знак освящения принятого обещания» соблюдать трезвость, а в Тарусском уезде Калужской губернии «после молебствия крестьяне некоторых деревень отказались от употребления вина»⁶³. Из Смоленской губернии вяземский исправник тогда же доносил, что более 2 000 крестьян графини Рибопьер по убеждению служителей церкви «согласились не пить вина, подвергая нарушителей этого телесным наказаниям и денежным штрафам»⁶⁴. Но вскоре тот же исправник уточнил: решение крестьян было принято без постороннего вмешательства, с «соблюдением порядка и благочиния»⁶⁵, а духовенство никакого повода для обета трезвости не давало. Инициативы священников в деле организации обществ трезвости в Тульской, Калужской и Смоленской губерниях не выявил и ревизор Е.М. Короленко⁶⁶. Протоиерей

⁶³ Отношение министра внутренних дел обер-прокурору Св. Синода. 4 апреля 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 2–2 об.

⁶⁴ Донесение начальника Смоленской губернии министру финансов. 18 апреля 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 214.

⁶⁵ Донесение начальника Смоленской губернии министру внутренних дел. 19 мая 1859 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 278.

⁶⁶ Рапорт Короленко министру финансов. 14 апреля 1860 г. // РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 195. Л. 549–552.

г. Краснослободска Пензенской губернии Лентовский знал об «обете тамошних жителей не употреблять хмельных напитков» и 16 марта 1859 г. провел по этому случаю на базарной площади торжественный молебен, какой «положен церковью при начале всякого доброго дела и совершил освящение воды», которой окропил собравшихся. Такой обряд он совершал обычно, например, при первом выходе в поле. К молебну, как пояснял протоиерей, он был побужден «не корыстными какими-либо выгодами и не со злым умыслом, а собственно ревностью о благочестии и чистоте нравов»⁶⁷.

По объяснению от протоиерея И. Карелина прихожане местечка Никополь Екатеринославской губернии (несколько тысяч «вольных матросов» и государственных крестьян) в марте 1859 г. известили его о своем решении «не употреблять никогда водки, вина и никаких... хмельных напитков». 5 апреля в «неделю Ваий» (вербное воскресенье) в храме после литургии протоиерей прочитал «во всеуслышание и за... толикую благодать Божию» общественный приговор и совершил молебствие⁶⁸. Синоду упрекнуть его было не в чем.

Костромской епископ Платон по жалобам откупщиков и требованию Синода провел обстоятельное расследование. В каждый из трех наиболее опасных в противостоянии откупной системе уездов – Чухломской, Галицкий и Солигаличский – отправились по два ревизора из среды духовенства. Им предписали

дознать, в каком состоянии находятся приходы в отношении к употреблению откупных питий и, если в каком-либо приходе есть так называемые общества трезвости, то какие⁶⁹,

как они возникли, было ли участие духовенства и какое именно. Проверяющие изучили действия более десятка священнослужителей, включив в проверку и Буйский уезд. Обществ трезвости к концу 1859 г. ревизоры не обнаружили, но отметили, что весной 1859 г. крестьяне «начали воздерживаться от употребления водки, а где-то и вовсе отказались». Побуждениями к трезвости они посчитали «известия в газетах о создании обществ трезвости в разных местах России», пример соседей, «дороговизну водки и очень дурное качество ее», «пагубные последствия пьянства», «внушения помещиков» и «преимущественно пастырские увещания священников, которые, не прибегая

⁶⁷ Рапорт Варлаама, епископа Пензенского, Св. Пр. Синоду. 19 сентября 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 44–45 об.

⁶⁸ Рапорт секретаря Екатеринославской духовной консистории обер-прокурору Св. Синода А.П. Толстому // Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 26–26 об.

⁶⁹ Донесение Платона, епископа Костромского, Св. Синоду. 30 декабря 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 58.

ни к каким... принудительным мерам, расположили своих прихожан к воздержанию от водки, и собственным своим примером и словом учения (в домах при требах и в другое время), так особенно в церкви... по заведенному... Св. Синодом порядку», чем сделали «благое дело»⁷⁰.

В Саратовской епархии расследование провел один из благочинных. Выяснилось, что 8 февраля 1859 г. в г. Балашове Саратовской губернии по просьбе старосты мещанского общества на площади был проведен молебен. Священнику В. Смирнову объяснили, что поводом для него послужили состоявшиеся днем ранее выборы сборщиков податей. Священник разрешил верующим вынести из церкви икону Божией матери. Без его ведома мещанский староста и его помощники добавили к иконе хоругви, а также организовали колокольный звон. Об обете не пить водки священник вовсе не знал⁷¹.

Духовные лица, как и светские ревизоры, подчеркивали, что стремление к трезвости имело преимущественно социально-экономический характер. Прихожане отказывались «от употребления откупных питей», призывали «не покупать вина в откупе и не пить, кроме виноградного вина и пива, заготовленного у себя в домах»⁷². Они просили отслужить молебен, чтобы не пить простого вина до тех пор, пока не будут снижены цены, «пока не будет таковое продаваться по 3 руб. сер.»⁷³, в апреле 1859 г. давали обет не пить до 1860 г.⁷⁴

По результатам расследования белое духовенство получило от Синода очередной приказ избегать действий, имевших «вид торжественного обещания или присяги». Фактически это означало запрещение использовать авторитет церкви для поощрения стремления к трезвости. Применить суровые карательные меры по отношению к тем священникам, которые активно содействовали борьбе с пьянством, явно казалось неприличным, и они отделались мягкими видами взысканий за не вовремя проявленное усердие. Краснослободский протоиерей Лентовский, отличавшийся «примерным усердием и благочестием», получил «замечание за совершение молебствия без

⁷⁰ Донесение Платона, епископа Костромского, Св. Синоду. 30 декабря 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 58–74.

⁷¹ Рапорт Иоанникия, епископа Саратовского, в Св. Синод. 17 декабря 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 49–51.

⁷² Копия прошения управляющего Чухломским питейным откупом М.А. Кожевникова костромским военному и гражданскому губернаторам. Апрель 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 7–8 об.

⁷³ Прошение балашовского 3-й гильдии купца Л.Г. Огурцова Иоанникию, епископу Саратовскому. Июнь 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 29.

⁷⁴ Копия прошения обоим костромским губернаторам от управляющего Солигалицким акцизным комиссариатством А.Т. Котенева. Апрель 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 11–12.

разрешения епархиального начальства»⁷⁵. Священнику В. Смирнову, допустившему в Балашове «колокольный звон и вынос хоругвей, что дало молебствию вид крестного хода, который мог совершать лишь с разрешения начальства», за «неосмотрительность» было сделано замечание «без занесения в послужной список»⁷⁶. Все духовные лица Костромской епархии отделались внушением со стороны архиерея. Серьезнее наказали только священника села Мироханово Чухломского уезда Н. Соболева, который во время Великого поста, по собственным словам, по просьбе «своего больного прихожанина» покупал спирт «в городском ведерном заведении» и в присутствии откупщика запретил приобретать вино крестьянину из соседнего прихода. Тем самым, по мнению Синода, Н. Соболев «подал повод к нареканию в противозаконных действиях». За это его, хотя и одобряемого в поведении, приказали вызвать в архиерейский дом на время, которое «будет признано достаточным для его испытания»⁷⁷.

Важным аргументом, подтверждавшим, что православное духовенство не было вдохновителем трезвенного движения, стало полное отсутствие данных о причастности служителей церкви к разгрому питейных заведений, охватившему Поволжье. Лишь в г. Троицке Пензенской губернии дьякон С. Рождественский, пономарь М. Тимофеев и дьячок А. Иванов 29 мая 1859 г. оказались в качестве зевак «при толпе буйствовавших крестьян и тем подали повод заподозрить себя в участии в произведенных ими беспорядках», за что дьякона отправили на епитимью в монастырь на два месяца, а причетников – на месяц⁷⁸.

Распоряжения Синода, призывавшие духовенство распространять трезвость только проповедями и личным примером, вызвали неожиданную реакцию. Не все священники осознали, что им в завуалированной форме рекомендуется дистанцироваться от трезвенного движения. Некоторые из них, привыкшие к дисциплине, восприняли циркуляры духовных властей как сигнал к началу трезвеннических поучений. О приказе, поступившем от духовного начальства,

⁷⁵ Выписка из определения Св. Синода. 2 ноября 1859 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 47–47 об.

⁷⁶ Выписка из определения Св. Синода. 3 марта / 7 июня 1860 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 29. Отд. 1. II ст. Д. 20. Л. 35–37 об.

⁷⁷ Выписка из определения Св. Синода. 3 марта / 15 июня 1860 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 29. Отд. 1. II ст. Д. 20. Л. 47–49 об.

⁷⁸ Рапорт секретаря Пензенской духовной консистории и. д. обер-прокурора Св. Синода С.Н. Урусову. 30 июня 1859 г.; Рапорт секретаря Пензенской духовной консистории обер-прокурору Св. Синода А.П. Толстому. 4 декабря 1859 г.; Рапорт секретаря Пензенской духовной консистории обер-прокурору Св. Синода. 25 декабря 1859 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 29. 2 отд. I ст. Д. 189. Л. 1–2, 5–6 об., 7–7 об.

проведали и крестьяне. В начале 1860 г. опять появились жалобы на духовенство, особенно из Киевской и Херсонской губерний. Новые доносы вызвали раздражение министра финансов, прямо обвинившего священников в нанесении ущерба казне. Министр предложил Синоду предписать всему духовенству, чтобы оно призывало прихожан

к воздержанию от пьянства или от излишнего пристрастия к горячим напиткам, но не воспрещало им умеренного употребления вина, необходимого для здоровья трудящегося народа⁷⁹.

Синод постыдился приказать духовенству рекламировать питейные заведения, но все жалобы вновь были проверены. Ревизоры из духовной среды подтвердили, что определение Синода никто из священников не читал в церквях. Многие из них прекрасно поняли суть претензий властей и уверяли ревизоров, что говорили о вреде чрезмерного употребления водки, но убеждали, что, мол, «после труда полезно употребление оной, только в малом количестве». Другие же заявляли, что советовали прихожанам не пьянствовать в корчме, а «употреблять горячее вино умеренно и в своих домах»⁸⁰. Прихожане также сознавали, что им следует говорить тогда, когда они хотят защитить своих священников. Они проникновенно сообщали, что священник убеждал их «не заходить из церкви в шинок, а идти домой, ... вовсе не пить не принуждал» или советовал «не упиваться водкою, а пить умеренно»⁸¹. Проверяющие обратили также внимание и на особенности трезвенного движения в Малороссии и Новороссии. Так, крестьяне села Петрушки Каневского уезда, послушав поучения священника Е. Левицкого о трезвости, «по случаю уменьшения хлеба то от неурожая, то от выбития градом, перестали столько пить водки, сколько прежде пили, а некоторые и вовсе перестали пить оную»⁸². Священники также отметили, что борьба против системы откупов могла приобретать некоторую антисемитскую направленность. К примеру, крестьяне села Шабельники Чигиринского уезда, послушав поучение священника и

будучи сильно озлоблены против откупщиков-евреев за разные обиды и притеснения от них, с радостью ответили, что желают не только

⁷⁹ Отношение министра финансов обер-прокурору Св. Синода. 29 января 1860 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 29. Отд. 1. П ст. Д. 20. Л. 24 об.

⁸⁰ Рапорт Арсения, митрополита Киевского, Св. Синоду. 30 июня 1861 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 123 об., 141–141 об.

⁸¹ Там же. Л. 124.

⁸² Там же. Л. 127–127 об.

воздерживаться от излишнего употребления водки, но согласны и вовсе не пить той⁸³.

«Обиды» заключались в недомере и разбавлении водки.

Отдельные духовные лица действовали решительно, почти так же, как их католические собратья. 6 декабря 1859 г. священник села Шендеровка Бердичевского уезда Киевской губернии А. Войнарский был обеспокоен шумом в корчме, находившейся вблизи его дома и церкви. Через 2 часа после литургии он отправился туда вместе с дьячком и велел запечатать одну из бочек с вином⁸⁴. По распоряжению священника херсонского села Арбузники (район Херсонских военных поселений) Д. Кальнева 19 июля 1859 г., в воскресенье, за 10 минут до благовеста к литургии, были закрыты на замок два питейных дома. Жалобы откупщиков расследовало Министерство государственных имуществ и духовные ревизоры. Министр отметил, что откупщик не имеет права противостать борьбе духовенства за трезвость, напомнил, что «по закону продажа питей до окончания литургии воспрещается», но следить за этим должна полиция. Священнику внушили, что «в подобных случаях он обязан обращаться к местному поселенному начальству», имеющему «надзор за торговлею вином»⁸⁵.

Следствие по жалобам на духовенство проводилось в 7 уездах Киевской и в одном уезде Херсонской губерний. Беспочвенность большинства обвинений священников в насильственном насаждении трезвости подтверждали помещики и их управляющие. 14 киевских священников были освобождены от наказания, часть из них выслушала внушения в духовных правлениях. В числе освобожденных от взыскания был и благочинный священник ставшего печально известным в конце XX в. местечка Чернобыль Н. Успенский. Его обвиняли в том, что он обрил крестьянину голову «за несогласие отказаться от употребления вина». Оказалось, что местный кузнец «нанес благочинному... в пьяном виде дерзости», за что служители «остригли ему голову». Кузнец жалоб не приносил и к тому же умер. Самоуправство благочинного не привлекло внимания начальства⁸⁶. Запечатавший бочку с вином священник за «неприличный его сану проступок», создавший помехи винной торговле, был «послан в монастырское подначальство на месяц», а в Киевское губернское

⁸³ Рапорт Арсения, митрополита Киевского, Св. Синоду. 30 июня 1861 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 125–125 об.

⁸⁴ Рапорт Димитрия, архиепископа Херсонского, Св. Синоду. 23 августа 1860 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 114 об.–116.

⁸⁵ Рапорт Арсения, митрополита Киевского, Св. Синоду. 30 июня 1861 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 128.

⁸⁶ Там же. Л. 127.

правление отправилось требование перенести питейный дом на «узаконенное расстояние» от церкви⁸⁷. Херсонскому священнику Д. Кальневу, закрывшему на время литургии 2 питейных дома, было «сделано чрез благочинного надлежащее внушение». Начальник Херсонского поселения подал жалобу викарию на действия священников сел Варваровка и Боковое И. Полянского и К. Крыжановского, которые якобы «настоятельно требуют, чтобы поселяне вовсе не пили вина, а ...Полянский обязал прихожан клятвами и штрафом». По итогам следствия им сделали «внушение, чтоб действовали только убеждениями». Дело было передано в земский суд, который не подтвердил донос на К. Крыжановского. От суда священник был освобожден⁸⁸. Очевидно, Синод и архиерей посчитали «внушение» достаточным наказанием для них.

Заключение

Таким образом, расследование, проведенное Министерством финансов, Министерством внутренних дел и Св. Синодом, показало, что ни православное, ни католическое духовенство не было вдохновителем и организатором трезвенного движения. Протест против откупной системы и провоцируемого ею пьянства возник в народной среде. Католическое духовенство Литвы и Западной Белоруссии поспешило использовать трезвенное движение в своих сословных, религиозных и национальных интересах и при попустительстве многих представителей местных властей, католиков по вероисповеданию, смогло преуспеть в этом отношении. Отдельные православные священники также добивались укрепления своего влияния и популярности. Немалая часть православного духовенства не устояла перед натиском своей паствы и была вовлечена прихожанами в антиалкогольное движение. Постыдную двусмысленную позицию вынуждены были занять иерархи православной церкви, объявлявшие себя блюстителями нравственности. Под нажимом светских властей им пришлось подключиться к борьбе против уменьшения доходов казны и в ее интересах одобрить «умеренное употребление горячего вина». Синод чувствовал некоторую неловкость, но счел себя обязанным организовать расследование трезвенной деятельности духовенства, в ходе которого священникам пришлось оправдываться даже в проведении проповедей о воздержании. Духовные власти стремились продемонстрировать чиновному Петербургу лояльность своих подчиненных и доказать их непричастность к массовым трезвенным выступлениям. Синод сумел

⁸⁷ Рапорт Арсения, митрополита Киевского, Св. Синоду. 30 июня 1861 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 128–128 об.

⁸⁸ Рапорт Димитрия, архиепископа Херсонского, Св. Синоду. 23 августа 1860 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 114–117 об.

изолировать духовенство от массового народного трезвенного движения. Однако ситуация, в которой разошлись морально-нравственные нормы христианства и интересы государственной казны, оказалась крайне неприятной и запутанной, как для рядового православного духовенства, так и для духовного начальства, и не способствовала росту их авторитета. Трезвенное движение 1858–1860 гг., как известно, ускорило отмену системы винных откупов в России.

Introduction

In 1858–60, 32 Russian governorates were involved in the temperance movement, a mass protest of the tax-paying population against the system of wine tax farming that existed in Russia from 1765 to 1863. Wine tax farming was a specific form of taxation in the drinking trade, a characteristic of pre-reform economic relations, which was used in Russia before the introduction of the excise tax. According to the results of public auctions, the state, which owned a wine monopoly, handed over the right to sell “grain wine” (vodka) in a certain area for 4 years. Tax farmers paid a fixed amount to the treasury as a drinking tax, received the rights of state officials, and could trade wine for profit at the expense of the consumer.¹ The rate was determined by the previous year income, with an extra charge established by the authorities in agreement with the tax farmer. The share of drinking duties in the budget revenue reached 43% in 1859 and 46% in 1859–63.² It was due to a significant increase in the tax amount, which raised after the devastating Crimean War from 61.6 million rubles in 1856 to 91.6 million rubles in 1858.³ In order to maintain the profitability of the wine trade, the tax farmers, on the one hand, tried to reduce their costs by purchasing the cheapest and the lowest-quality vodka; on the other hand, they raised the price of “plain wine.” The poor quality of vodka and the simultaneous increase in its price caused temperance movement. At its first stage (from the autumn of 1858 to the spring of 1859; until the spring of 1860 in the southwest; until 1863–64 in Lithuania), it boycotted the wine tax system by organizing temperance societies that were active even in 1860 and by collective refusal to drink wine. In the summer of 1859, a wave of attacks on drinking houses swept through 15 Volga governorates. The temperance movement caused concern of central and local authorities and posed a difficult problem for them: how should they deal with the “crime of temperance”?

The conflict between the tax farmers and the lower groups of the population was eagerly discussed in newspapers and magazines,⁴ and the revolutionary democrats

¹ M.L. Gavlin, “The Issue of Wine Tax Farming in the History of Legislation of the Russian Empire. 18–19th Centuries” [in Russian], in *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*, iss. 13, ed. L.I. Borodkin (Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2007), accessed June 2, 2024, <https://clck.ru/3RsvVR>

² I.R. Takala, *The Joy of Russia. History of Alcohol Issue in Russia* [in Russian] (St Petersburg: Zhurnal “Neva”, 2002), 55.

³ P. Brandt, “Alcohol Duties” [in Russian], in *The Encyclopedic Dictionary*, vol. 23A, *Petropavlovskii–Povatazhnoe*, ed. F.A. Brokgauz, I.A. Efron (St Petersburg: Tipo-litografiya I.A. Efrona, 1898), 734.

⁴ I.G. Pryzhov, *The History of Taverns in Russia in Connection with the History of the Russian People* [in Russian] (St Petersburg; Moscow: Molodye sily, 1914), 240, 242–48, 250.

paid attention to the temperance movement.⁵ The work of I. Pryzhov on the history of taverns was the first historical work that highlighted the causes of the temperance movement and mentioned the accusations of the authorities against the clergy as its inspirer.⁶ The Soviet historians called the temperance movement of 1858–60 “an essential element of the anti-serf struggle of the peasantry during the revolutionary situation of 1859–1861.”⁷ V. Fedorov directly and reasonably declared the version about the leading role of the clergy in the temperance movement to be “false” but avoided covering the events in Lithuania.⁸ In the preface to the collection of documents on the history of the peasant movement, S. Okun' emphasized that the importance of the temperance movement went “far beyond the struggle against the abuses of tax farmers,” and that the authorities saw the direct threat in its “amazing unanimity.”⁹ Soviet Lithuanian historian S. Lazutka showed that the movement was not a purely Lithuanian phenomenon, exclusively “the doing of Catholic clergy.” The authors of the generalizing Soviet work on the history of Lithuania accepted that

the negative feature of the movement was that its leadership ended up in the hands of the Catholic clergy, who strengthened their influence on the masses with the help of the “temperance brotherhoods.”¹⁰

Belarusian historian T. Prot'ko explained the reasons for the particularly tense relations with tax farmers and described the development of the temperance

⁵ N.G. Chernyshevskii, “Tax-Farming System” [in Russian], in N.G. Chernyshevskii, *Complete Works*, ed. V.Ya. Kirpotin et al., vol. 5, *Articles, 1858–1859* (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1950), 318–336; N.A. Dobrolyubov, “People’s Affair. The Spread of Temperance Societies” [in Russian], in N.A. Dobrolyubov, *Collected Works*, vol. 5, *Articles and Reviews. July–December 1859* (Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1962), 246–85; *Kolokol. Newspaper of A.I. Herzen and N.P. Ogarev. Vol'naya russkaya tipografiya. 1857–1867. London–Geneva. Iss. 2. 1859. London* [in Russian], June 1, 1859 (Moscow: AN SSSR, 1962), 364–65; *Kolokol. Iss. 3. 1860. London* [in Russian], April 1, 1860 (Moscow: AN SSSR, 1962), 566.

⁶ I.G. Pryzhov, *The History of Taverns in Russia in Connection with the History of the Russian People* [in Russian] (St Petersburg; Moscow: M.O. Vol'f, 1868), 288–96.

⁷ V.A. Fedorov, “Peasant Temperance Movement” [in Russian], in *Revolutionary Situation in Russia in 1858–1860*, ed. M.V. Nechknia et al. (Moscow: AN SSSR, 1962), 107.

⁸ Fedorov, *Peasant Temperance Movement*, 113, 115–16.

⁹ S.B. Okun', “Preface” [in Russian], in *The Peasant Movement in Russia in 1857–May 1861: A Collection of Documents*, ed. S.B. Okun', and K.V. Sivkov (Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1963), 18–19.

¹⁰ S.A. Lazutka, *Revolutionary Situation in Lithuania. 1859–1862* [in Russian] (Moscow: Vysshaya shkola, 1961), 89–93; S.A. Tautavichyus, Yu. Yurginis, et al., *The History of the Lithuanian SSR (From Ancient Times to the Present Day)* [in Russian] (Vilnius: Mokslas, 1978), 185.

movement in the Belarusian governorates.¹¹ In modern Russia, the experts are actively studying the history of the drinking industry in Russia, including the history of the tax farming system and the causes of its crisis, as well as “Russian drinking traditions.” However, the researchers give much less attention to the temperance movement and the state fight against it.¹²

Today, the temperance movement of 1858–60 is seen as a struggle against the tax farming system and drunkenness. Nevertheless, I. Takala casually notes in her monograph that the emergency measures against the movement taken by the authorities could result in a general peasant uprising “for freedom.”¹³ She does not mention the involvement of the clergy in the movement. It was only I. Kurukin and E. Nikulina who drew attention to the fact that the Ministry of Finance turned to the Orthodox clergy for help in opposing the temperance movement.¹⁴

Foreign authors focus on the problem of drunkenness, especially in the early 20th century and in the Soviet period as well as on the history of countering it.¹⁵ Arguing the point with N. Dobrolyubov and Soviet historians, only D. Christian provides a detailed analysis of the history of the temperance movement of the late 1850s and assesses the involvement of Catholic priests in it.¹⁶

¹¹ T.S. Prot'ko, *In the Struggle for Temperance. Pages of History* [in Russian] (Minsk: Nauka i tekhnika, 1988), 52–59.

¹² A.I. Razdorskii, comp., *The Tavern Business and the Temperance Movement in Russia from Ancient Times to the Present Day: Proceedings of the International Scientific Conference (St Petersburg, June 28–30, 2021)* [in Russian] (St Petersburg; Moscow: Staraya Basmanaya, 2022).

¹³ Takala, *The Joy of Russia*, 87.

¹⁴ I.V. Kurukin, E.A. Nikulina, “*The Tsar’s Tavern Business*”: *Essays on Drinking Policy and Traditions in Russia* [in Russian] (Moscow: AST, LYUKS, 2005), 203.

¹⁵ “Alcohol and Alcohol Abuse,” in *The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union*, ed. A. Brown et al. (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), 463–65; S. White, *Russia Goes Dry: Alcohol, State and Society* (Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1996); V. Afanas'eva, “Alcohol Production and Consumption, and the Fight against Drunkenness in Kaluga Governorate (1894–1914)” [in Russian], in *The Tavern Business and the Temperance Movement in Russia from Ancient Times to the Present Day: Proceedings of the International Scientific Conference (St Petersburg, June 28–30, 2021)*, comp. A.I. Razdorskii (St Petersburg; Moscow: Staraya Basmanaya, 2022), 41–42; A.V. Smelova, “Alcohol and the Policy of the Russian Empire in the Late 19th and Early 20th Centuries: An Analysis of the History and Ideology of the Kazan Temperance Society” [in Russian], in *The Tavern Business and the Temperance Movement in Russia from Ancient Times to the Present Day: Proceedings of the International Scientific Conference (St Petersburg, June 28–30, 2021)*, comp. A.I. Razdorskii (St Petersburg; Moscow: Staraya Basmanaya, 2022), 667–74.

¹⁶ D. Christian, “*Living Water*”: *Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation* (Oxford: Clarendon Press, 2001), 286–352.

Main body

The temperance societies appeared in the second half of 1858 in the Kovno, Vilna, and Grodno governorates. The officials and the priests considered the Catholic clergy to be the initiator of those societies. N. Dobrolyubov criticized that point of view, noting that its authors accepted the efforts of the clergy and left “aside the people influenced by their morality.”¹⁷ Soviet historians proved that the first reports about the “temperance societies” organized by priests appeared in October and November 1858, and the refusal to drink vodka and the beginning of the temperance movement in Kovno Governorate dated back to August and September of the same year.¹⁸ They also managed to explain why the temperance movement started in the Belarusian and Lithuanian governorates. The organization of the drinking business there was different. The cities within a two-verst area from them had to pay state tax, and in other places the landowners retained the right to produce and sell wine, which aggravated their relations with the peasants.¹⁹

According to the documents, the temperance movement in Lithuania originated in the popular circles in the summer of 1858. Catholic priests quickly joined the popular indignation, headed the movement and managed to use the intentions of active parishioners to strengthen their own influence on a wide circle of believers. The author of a note published in no. 7 of the *Novgorodskiye Gubernskiye Vedomosti* (Novgorod Governorate Gazette) for 1859 argued that in the fight against expensive vodka, the peasants of Kovno Governorate were exemplary, as they “agreed for not drinking vodka and firmly hold the vow.” The priests’ speeches aroused in the parishioners, sometimes against their will, a unanimous decision to “stop drinking alcoholic beverages.”²⁰ The sluggish representatives of the Catholic clergy had to promote temperance already under direct pressure from their flock. Telsze Bishop M. Volonchevsky (Valancius) claimed that the residents of a number of parishes, “with complaints and often threats, forced spiritual mentors to proclaim temperance.”²¹

Having started a powerful preaching activity and soon “exhausted the will of the parishioners,” the priests led by the bishop began to act “using exclusively governmental methods” and dared to “completely prohibit people from drinking

¹⁷ Dobrolyubov, “People’s Affair,” 263.

¹⁸ Lazutka, *Revolutionary Situation in Lithuania*, 89.

¹⁹ Prot’ko, *In the Struggle for Temperance*, 52–53.

²⁰ “Novgorodskie gubernskie vedomosti. Otd. 2. Chast’ neofitsial’naya. K № 7 1859 g.” [Novgorod Governorate Gazette. Section 2. Part unofficial. To no. 7, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 12. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

²¹ “Zapiska o deistviyakh episkopa Volonchevskogo” [Note on the actions of Bishop Volonchevskii]. F. 571, op. 8, d. 29, l. 279 ob. RGIA.

wine.” To achieve that goal, they used “religious threats” (excommunication, deprivation of sacraments), punishment with rods and whips, imprisonment “in transit prisons.” In case of their absence, the people were placed in “specially designed prisons, in stocks or chains; there were arrests, public shaming” (the guilty person could be smeared with tar, put a sign around his neck indicating his guilt, led around the church in a shameful way, often on knees, or laid on the floor of the church for shame, etc.).²²

“The actions of the clergy greatly influenced the minds of commoners,” and in Kovno Governorate there were 40–50 thousand people in November 1858 who “voluntarily agreed to fulfill the oath” of temperance.²³ At the beginning of 1859, the movement spread to a significant part of Kovno Governorate, to neighboring governorates, and at the beginning of 1860, there were 321,195 people in temperance societies in Vilna Governorate.²⁴ In May 1859, there were 22,850 people in Grodno Governorate (more than 220,140 participants in the middle of 1859²⁵). In July 1860, there were 820,754 Catholics in Kovno Governorate, and according to Bishop M. Volonchevsky, 488,464 of them “were abstaining from drinking.”²⁶ According to S. Lazutka, the authorities had no opportunity to struggle directly against such a mass movement and therefore delayed taking punitive measures.²⁷ Only in March 1859, the Ministry of Internal Affairs sent the letters to the governorate heads; they were signed by Minister S. Lanskoï and prohibited and obliterated the temperance societies. In Belarusian governorates, where many residents were Orthodox and the scope of the movement was smaller, the administrators could act more decisively. For example, in Novogrudok (Minsk Governorate), even those who posted appeals to residents urging them not to drink vodka were fined.²⁸ In the north-western governorates, the temperance movement had “a number of specific features related to religious and national issues.”²⁹ According to an inspector, the local civil authorities “headed by a Catholic” ignored the complaints about priests in Kovno Governorate. As a result, “the people did not see that there was any other authority than the clergy”; the orders

²² “Zapiska o deistviyakh rimsko-katolicheskogo dukhovenstva Kovenskoï gubernii” [Note on the actions of the Roman Catholic clergy in Kovno Governorate]. F. 571, op. 8, d. 29, ll. 250–252. RGIA.

²³ Ibid., l. 251.

²⁴ Lazutka, *Revolutionary Situation in Lithuania*, 90.

²⁵ Prot'ko, *In the Struggle for Temperance*, 54–55.

²⁶ “Vedomost' o chisle lits rimsko-katolicheskogo ispovedaniya Tel'shevskoi eparkhii, vozderzhivayushchikhsya ot pitiya” [List of the number of Roman Catholics in the Diocese of Telsze, who abstain from drinking]. F. 571, op. 8, d. 29, ll. 240, 244. RGIA.

²⁷ Lazutka, *Revolutionary Situation in Lithuania*, 91.

²⁸ Prot'ko, *In the struggle for temperance*, 58.

²⁹ Fedorov, “Peasant Temperance Movement,” 113.

from ministers to the Metropolitan of Roman Catholic churches in Russia “were given but not fulfilled.”³⁰

In late 1859 and early 1860, Vilna governor-general V. Nazimov and Kovno military governor S. Khominsky repeatedly asked the bishop about the number of temperance societies in the diocese. The next request was dated March 5, 1860. The Ministry of Finance was also concerned about the decrease in revenues from tax farmers. On March 1, 1860, Minister A. Knyazhevich sent collegiate assessor A. Stolyarevsky, Councilor to the Minsk State Chamber, to Kovno Governorate. There, he had “to collect information about the situation of the excise tax.”³¹ Initially, the secret instruction ordered him to check the information from St Petersburg about abuse and corruption of tax farmers and employees of the State Chamber.³² In the report dated March 16, 1860, prepared on the basis of the first observations, the official cautiously noted that he had

a sad conviction that the actions of the tax farmers were too unscrupulous, and the orders of the state chamber were absolutely inappropriate.³³

In fact, the inspector’s preliminary conclusion was that the main reason for the temperance movement was abuse by tax collectors and officials who condoned them.

On May 27, 1860, A. Stolyarevsky received a “particularly secret” order from the Minister. Firstly, he had “to personally ascertain the reasons for the spread of the temperance society there and the number assigned to it”; secondly, to determine “the role of the Catholic clergy and the measures they take for the enlargement of this society”; thirdly, to find out whether it was really or not that “since it became known about a new auction for tax farming, the clergy had increased their efforts to spread the temperance societies, and, based on the bishop’s circular letter, had again begun to force the parishioners not to drink wine until death”; finally, fourthly, to identify the “complaints against the clergy ...and how they were resolved.”³⁴ The inspector

³⁰ “Zapiska o deistviyakh rimsko-katolicheskogo dukhovenstva Kovenskoj gubernii” [Note on the actions of the Roman Catholic clergy in Kovno Governorate]. F. 571, op. 8, d. 29, ll. 253, 255. RGIA.

³¹ “Predpisanie ministra finansov sovetniku Minskoi kazennoi palaty Stolyarevskomu” [Instruction from the Minister of Finance to Stolyarevsky, Councilor to the Minsk Treasury Chamber]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 3. RGIA.

³² “Otpusk sekretnoi instruktsii Ministerstva finansov Stolyarevskomu” [Issuing secret instruction from the Ministry of Finance to Stolyarevsky]. F. 571, op. 8, d. 29, l. 4. RGIA.

³³ “Sekretnyi raport Stolyarevskogo ministru finansov” [Secret report from Stolyarevsky to the Minister of Finance]. F. 571, op. 8, d. 29, l. 14–14 ob. RGIA.

³⁴ “Osobenno sekretno. Otpusk predpisanija ministra finansov Stolyarevskomu” [Top secret. Issuing instruction from the Minister of Finance to Stolyarevsky]. F. 571, op. 8, d. 29, ll. 25–28 ob. RGIA.

was clearly told to focus on the role of the Catholic clergy in the temperance movement. In a report sent on April 24, 1860, Stolyarevsky again tried to draw his superiors' attention to the "actions of the corrupt tax farmers." He stated that "the teaching of the Catholic clergy on temperance, which appeared in Kovno Governorate at the end of 1858, was not known at the auction . . . from 1859 to 1863." The tax farmers themselves offered an increased amount of 948 thousand rubles, and during the first year they did not give about 100 thousand rubles to the treasury, mainly through their own fault: "they were failing."³⁵

In July 1860, A. Stolyarevsky presented in the capital a set of documents he had collected about the activities of the Catholic clergy of Kovno Governorate. In his report to the ministry, a tax farmer wrote that in Kovno Governorate, it was in March 1860 (the time when the inspector arrived at the site) that the servants he sent

noticed the extraordinary movement of the people to the churches and extraordinary activity of the local Catholic clergy to bring the people to the oath.³⁶

On March 12, 1860, M. Volonchevsky informed the subordinate clergy about the military governor's request to collect information on the number of persons following the temperance movement. In this regard, the bishop ordered to make the "books" with the names of temperance followers and their children. Those recorded in the books had to swear "before the altar or icon" to confirm their vow. The order was accompanied by a form of oath with the promise "to abstain from all hot drinks with the help of God."³⁷

Horwitz, a merchant of the first guild, tax farmer in Kovno Governorate, considered the bishop's letter an important booster of expanding and deepening the temperance movement.³⁸ A. Stolyarevsky shared this point of view and, as already noted, repeatedly criticized the tax farmers, but in that instance he agreed with the opinion of one of them. He wrote that

³⁵ "Raport sovetnika Minskoi kazennoi palaty Stolyarevskogo" [Report from Stolyarevsky, Councilor to the Minsk Treasury Chamber]. F. 571, op. 8, d. 29, ll. 34–37 ob. RGIA.

³⁶ "Dokladnaya zapiska sodержatelya aktsiznykh sborov po Kovenskoii guberniii poltavskogo 1 gil'dii kuptsa Gorvitsa" [Report from Gorvits, Poltava merchant of the 1st guild, collector of excise duties in Kovno Governorate]. F. 571, op. 8, d. 29, l. 16. RGIA.

³⁷ "Kopiya. Per. s pol'skogo. Tsirkulyar Zhmudskogo biskupa dukhovenstvu Zhmudskoi eparkhii s formoi prisyagi" [Copy. Translated from Polish. Circular letter from the Zhmud bishop to the clergy of the Zhmudche Diocese with the form of the oath]. F. 571, op. 8, d. 29, ll. 21–22. RGIA.

³⁸ "Dokladnaya zapiska sodержatelya aktsiznykh sborov po Kovenskoii guberniii poltavskogo 1 gil'dii kuptsa Gorvitsa" [Report from Gorvits, Poltava merchant of the 1st guild, collector of excise duties in Kovno Governorate]. F. 571, op. 8, d. 29, l. 16–16 ob. RGIA.

until March 1860, three-quarters of the Catholic population was subdued by the demand not to drink wine, and in March the final victory over the entire population was made.³⁹

Having received the bishop's March order, the priests were once again convinced that

the superiors... quite approve the societies. In Telsze, the uyezd judge and the treasurer took part in a solemn procession with all the officials, went to the church, and took the oath. Such actions of the clergy forced the current tax farmers to refrain from entering into a contract for tax farming.⁴⁰

The inspector stated that the punishments imposed by the clergy on violators were implemented "either in the rural departments of the Ministry of State Property or by zemstvo police commanders (*tysyatsky*, *sotsky*, *desyatsky*), by the clergy," the beggars, and by the "people particularly loyal to the society."⁴¹

Even historians of the Soviet period accepted that in Lithuania, the temperance movement among the people, reached out the majority of the population and very soon took on a religious nature. However, speaking about the punishments imposed by the priests, S. Lazutka called them "individual cases."⁴² We think that it is quite correct. The complaints and police reports collected by A. Stolyarevsky and presented in the form of a table include the names of 93 temperance movement victims from among the residents of Kovno Governorate, mainly peasants; and there was information about the dispersal of visitors to drinking houses in a number of villages and about one destroyed house.⁴³ Compared to almost half a million "abstainers from drinking," these figures look insignificant, but the documents did not mention any of the numerous facts about illegal temperance activity performed by the Catholic clergy who greatly influenced the believers.

³⁹ "Zapiska o deistviyakh rimsko-katolicheskogo dukhovenstva Kovenskoj gubernii" [Note on the actions of the Roman Catholic clergy in Kovno Governorate]. F. 571, op. 8, d. 29, l. 252–252 ob. RGIA.

⁴⁰ Ibid., ll. 257 ob.–258.

⁴¹ Ibid., ll. 251 ob.–252 ob., 259.

⁴² Lazutka, *Revolutionary Situation in Lithuania*, 91.

⁴³ "Spiski 16 raportov zemskikh ispravnikov, 2 raportov stanovogo pristava i raporta gorodnichego; 21 donesenie aktsiznykh nadziratelei; zhaloby obizhennykh lits na deistviya dukhovenstva v spiskakh" [List of 16 reports from zemstvo police officers, 2 reports from the district superintendent of police, and a report from the mayor; 21 reports from excise officers; complaints from offended persons about the actions of the clergy in the lists]. F. 571, op. 8, d. 195, ll. 100–195. RGIA; "Zapiska o nasiliyakh, kotorye upotreblyaemy byli rimsko-katolicheskim dukhovenstvom Kovenskoj gubernii pri vospreshchenii prikhozhanam upotreblyat' vino" [Note on the violent acts performed by the Roman Catholic clergy of Kovno Governorate to prohibit parishioners from drinking wine]. F. 571, op. 8, d. 29, ll. 250–260 ob. RGIA.

According to some Soviet authors, a convincing confirmation of the popular character of the temperance movement in Lithuania was the complete inability of the clergy to stop it at the request of the authorities. Indeed, the clergy failed to stop the movement, but mainly because they did not want to do so. By supporting and developing the temperance movement, the Catholic clergy felt themselves to be religious and national leaders and oppositionists. In reality, they were fighting against the state authorities, using the most plausible pretext. For example, bishop M. Volonchevsky deftly deceived the local and central administration, acting as a zealous executor of its orders and at the same time making a temperance oath that was forbidden in the Orthodox regions of the empire. In July 1860, A. Stolyarevsky reported that the governor-general demanded an explanation from M. Volonchevsky, but did not receive a “valid excuse.” V. Nazimov asked the bishop to revoke the “the aforesaid order” on making “books” with lists of temperance followers and bringing parishioners to the oath. The inspector did not dare to predict the end of the situation, but the decision of the diocese head “was unlikely to help.”⁴⁴ The inspector turned out to be right: a massive boycott against the wine-taxing system, which significantly injured the treasury, continued in Lithuania until the uprising of 1863–64.⁴⁵

Speaking ironically about the accusations against the Catholic priests, Herzen’s *Kolokol* wrote that

the administration persecutes the temperance societies not only in Vilna Governorate, but also in Kaluga Governorate, where there are no Catholic clergy, and in other completely Orthodox governorates, where the priests drink and do not keep anyone from drinking.⁴⁶

At the beginning of 1859, the temperance movement began to spread rapidly through the interior of Russia and seriously alarmed the authorities in the capital. The ministries were flooded with complaints from the local areas.

The problem was discussed in the Council of Ministers, and on March 5, 1859, Alexander II instructed the ministers to “take the measures that they consider necessary to be taken in such case.”⁴⁷ On March 3, the Minister of Finance ordered the state chambers to “persuade tax farmers” not to raise the price of “grain wine”

⁴⁴ “Zapiska o deistviyakh rimsko-katolicheskogo dukhovenstva Kovenskoj gubernii” [Note on the actions of the Roman Catholic clergy in Kovno Governorate]. F. 571, op. 8, d. 29, l. 259. RGIA.

⁴⁵ Lazutka, *Revolutionary Situation in Lithuania*, 93.

⁴⁶ “Blend” [in Russian], in *Kolokol*, iss. 2 (1859): 365.

⁴⁷ “Vsepoddanneishii raport ministra finansov A.M. Knyazhevicha o vrede, prichinyaemom kazne osobymi obshchestvami i samovol'nymi prigovorami na schet upotrebleniya khlebnogo vina. 5 marta 1859 g.” [Report of Minister of Finance A.M. Knyazhevich submitted to the emperor on the damage caused to the treasury by special societies and unauthorized verdicts regarding the use of grain wine. March 5, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 22. RGIA.

and sell it “at the specified price and of the proper quality,” and on March 5 he familiarized his minister colleagues with a draft circular letter addressed to the governorate heads.⁴⁸ On March 19, the circular letter from the Minister of State Property was sent to the heads of subordinate chambers. They were ordered to remind their subordinates that the peasant gatherings could not offer the authorities “the decisions for mandatory execution,” appoint guards to drinking houses and “punish the use of wine.”⁴⁹ On March 22, 1859, the Minister of Internal Affairs sent governorate heads a circular letter “On the prohibition of compulsive measures to preserve temperance.”⁵⁰

In April 1859, three officials of special assignments of the Ministry of Finance went on secret missions “to observe the drinking situation.” State councilor Ya. Weide had to go around 11 governorates of the Volga region and the Ural region, collegiate assessor E. Korolenko had to visit 9 governorates of Central Russia, and state councilor A. Sevastyanov had to visit 9 north-western governorates.⁵¹ Observing “the implementation of the rules by tax farmers,” the inspectors were obliged

to pay special attention to. . . temperance societies and find out. . . whether they were formed voluntarily, or were attracted to someone and by whom exactly.⁵²

The inspection revealed a picture unpleasant for the capital. As Ya. Weide found out, almost all the participants in the movement refused wine “completely voluntarily,” “without outside interference,” and in some places “they were encouraged by the local clergy.” At the beginning of 1860, the inspector was told about “imaginary temperance societies” in Saratov Governorate, which were described as “an incident that quickly passed” as an event created “deliberately by

⁴⁸ “Proekt tsirkulyarnogo predpisaniya ministra vnutrennikh del S.S. Lanskogo. 3 marta 1859 g.; Tsirkulyarnoe predpisanie ministra finansov. 5 marta 1859 g.” [Draft circular order from the Minister of Internal Affairs S.S. Lanskoii. March 3, 1859; Circular order from the Minister of Finance. March 5, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, ll. 36, 119. RGIA.

⁴⁹ “Tsirkulyar ministra gosudarstvennykh imushchestv M.N. Murav'eva 19 marta 1859 g.” [Circular letter from the Minister of State Property M.N. Muravyov on March 19, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 61–61 ob. RGIA.

⁵⁰ “Tsirkulyar ministra vnutrennikh del nachal'nikam gubernii. 22 marta 1859 g.” [Circular letter from the Minister of Internal Affairs to the governorate heads. March 22, 1859]. F. 797, op. 29, 2 otd. I st., d. 20, l. 3. RGIA.

⁵¹ “Ministerstvo finansov. Otnoshenie Departamenta raznykh podatei i sborov Departamentu gosudarstvennogo kaznacheistva. Aprel' 1859 g.” [Ministry of Finance. Relation of the Department of Unassessed Taxes to the Department of State Treasury. April 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 219–219 ob. RGIA.

⁵² “Sekretno. Predpisanie ministra finansov predsedatelyu Sankt-Peterburgskoi kazennoi palaty ot 5 maya 1859 g.” [Secret. Order of the Minister of Finance to the chairman of the St Petersburg Treasury Chamber dated May 5, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, ll. 241–242 ob. RGIA.

newspapers, viciously directed against the tax-paying system.” The societies were created “at the insistence of landowners;” in state-owned villages they were created after “the requirements of volost and village heads; the local clergy, with their religious rites, also made a contribution.”⁵³ In addition, the official noted the “bad quality” of vodka, especially in Samara Governorate, “muddy, yellow-grayish in color, with a disgusting smell and taste.”⁵⁴ Cautious A. Sevastyanov noted only the cases of external influence on the peasants. According to him, in Totma Uyezd of Vologda Governorate, temperance societies were created “through the exhortation. . . of priests who threatened the disobedient peasants. . . refusing to go to them at Easter with icons.” As for court peasants, they joined a society “made” by an authoritative court head Popov; in Yaroslavl Governorate, the peasants “persuaded by their landowners” refused to drink; in Tver Governorate, the societies “became a consequence of a policy of maximum openness and newspaper articles,” and again, the exhortations of priests.⁵⁵

E. Korolenko was the most outspoken and prone to generalizations. In the report dated April 14, 1860, he noted that

the temperance societies have emerged as a counteraction to taxes due to the wine prices recently risen by landowners, . . . the main reason has always been an increase in prices. The moral impulse to abstain from drinking wine, one might say, was nowhere to be found, although the societies were sometimes opened by prayers and religious rites. This is proved, firstly, by the fact that the temperance societies immediately broke up when the price of wine was lowered by tax farmers; and, secondly, by the fact that they did not appear at all where wine was sold and is sold at the lowest prices. Temperance societies were formed. . . mainly by peasants’ verbal agreement not to drink wine, and they were broken up by the same peasants’ verbal decision, and sometimes even without the public

⁵³ “Donesenie statskogo sovetnika Veide ministru finansov. Iz Kostromskoi gubernii. 10 iyulya 1859 g.; Donesenie statskogo sovetnika Veide ministru finansov. Iz Saratovskoi gubernii. 6 fevralya 1860 g.; Donesenie statskogo sovetnika Veide ministru finansov. Iz Penzenskoi gubernii” [Report from State Councilor Weide to the Minister of Finance. From Kostroma Governorate. July 10, 1859; Report from State Councilor Weide to the Minister of Finance. From Saratov Governorate. February 6, 1860; Report from State Councilor Weide to the Minister of Finance. From Penza Governorate]. F. 571, op. 8, d. 195, ll. 351 ob.–353 ob., 525, 531 ob. RGIA.

⁵⁴ “Donesenie statskogo sovetnika Veide ministru finansov. Iz Samarskoi gubernii. 10 noyabrya 1859 g.” [Report from State Councilor Weide to the Minister of Finance. From Samara Governorate. November 10, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, ll. 490 ob.–491. RGIA.

⁵⁵ “Otchet Sevast'yanova po vsem guberniyam. 26 sentyabrya 1859 g.” [Report from Sevastyanov on all governorates. September 26, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, ll. 451–455 ob. RGIA.

permission. Except the rare cases when the conditions were specified in sermons, there is no way to know even about the time when the societies began to exist.⁵⁶

On April 4, 1859, the Minister of Internal Affairs sent the first letter to the Chief Procurator of the Synod, Count A. Tolstoy, stating complaints about the involvement of the clergy in the temperance movement. At first, the Synod investigated individual claims of officials on behalf of the Chief Procurator. By decree of the emperor, the Synod adopted a resolution related to “the desire for temperance revealed in some places” on June 10, 1859. Its content vividly demonstrates the ambiguous situation in which the clergy found themselves, from highest hierarchs to acolytes. The law required of the priests to prevent popular disturbances.⁵⁷ At the same time, many clergymen did not match the ironic characterization of the *Kolokol* at all. Propaganda of moderation and abstinence from alcohol was part of their duties, especially during Lent, which caused complaints against priests who allegedly forcibly restrained parishioners from drinking. The need to respond to denunciations resulted in some difficulties for the synodal bishops. Church leaders did not want to lead the struggle against the “crime of temperance.” The embarrassment is seen even in the official documents. On May 12, 1859, S. Urusov, who served as Chief Procurator of the Synod, reported to the members of the Synod that the tax farmers complained “about the clergy keeping their parishioners from drinking.” In the duplicate copy of the document, the word “drunkenness” was crossed out and replaced with the “drinking hot wine.”⁵⁸ The Synod hesitated, but eventually had to comply with the official concept. In the decree dated June 10, 1859, the highest church leaders, as if excusing to the secular authorities, emphatically stated:

The contribution of the parish clergy to the maintenance and strengthening of the parishioners’ determination to abstain from drinking wine, which has been revealed in some cities and villages, is fully befitting their pastoral duty.⁵⁹

⁵⁶ “Raport kollezhskogo assessora Korolenko ministru finansov” [Report from Collegiate Assessor Korolenko to the Minister of Finance]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 549–549 ob. RGIA.

⁵⁷ No 17958. – May 7. Synodic, “On the Control by the Diocese Bishops of the Clergy and Churchmen so that They Would Dissuade Peasants from Disturbances” [in Russian], in *Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649. Collection I (PSZ-I)*, vol. 24, *From November 6, 1796, to 1798* (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830), 606–608; No 19479. – July 9. Synodic, “On the Confirmation with Signature by All Clergymen and Churchmen so that They Do Not Interfere in the Peasants’ Disturbances” [in Russian], in *PSZ-I*, vol. 26, *1800–1801*, 226–27.

⁵⁸ “Predlozhenie za ober-prokurora Urusova Sv. Sinodu. 12 maya 1859 g.” [Proposal for Chief Procurator Urusov to the Synod. May 12, 1859]. F. 797, op. 29, 2 otd. I st., d. 20, l. 7. RGIA.

⁵⁹ “Opredelenie Sv. Sinoda. 10 iyulya 1859 g.” [Decree of the Synod. July 10, 1859]. F. 59, op. 140, d. 560, l. 32. RGIA.

The priests “have an indispensable duty to care” about the eradication of “sinful habits,” to preach in churches and to prove the benefits of temperance “by a vivid example of their own life.”⁶⁰ At the same time, the Synod forbade the clergy to apply the measures that “do not make a part of their pastoral duties. . . and are not based on positive resolutions” in the struggle for temperance. The circular letter did not specify the essence of those measures. Heads of the three dioceses were ordered to investigate all complaints received.⁶¹

The investigation revealed the inconsistency of most of the denunciations. As expected, the clergy were not the initiators and leaders of the temperance movement. According to the bitter expression of Herzen’s *Kolokol*, the point of the matter was that “the tavern rose to the rank of a church and a palace” in Russia at that moment, and insulting the tavern became “an insult to his majesty. The theft of wine is not just a theft, but a felony.”⁶² In such atmosphere, the sermons on abstinence and the habit of believers to affirm an important decision with a prayer service in the church turned out to be almost seditious. Parishioners began to respond to sermons on moderation with fervor and inspiration, although they used to accept them calmly. Having met grateful listeners, some priests became too active in preaching in an unsuitable environment for the authorities. Like the Catholic priests, they tried to take advantage of the temperance movement to strengthen their own authority among the people. In such cases, at the request of parishioners, the priest usually held a prayer service to consecrate their vow not to drink “hot wine.” Quite often, peasants or petit bourgeoisie, who did not trust their pastors, often agreed on their own not to drink vodka. Later, they either informed the clergy of their intention and demanded to hold a service and arrange an oath on this occasion, or they deceived them and found another reason for public prayer. It was not the clergy who encouraged parishioners to take the oath confirming their decision not to drink alcohol and to impose penalties on those who disobeyed. On the contrary, public opinion involved the clergy in spreading temperance, holding public prayer services, blessing obligations not to drink wine, and even authorizing decisions on punishments for violators.

Representatives of the secular authorities often saw for themselves that the Orthodox clergy did not inspire the temperance movement. In April, 1859, the Minister of Internal Affairs reported to the Chief Procurator of the Synod that in many villages of Tula Governorate the priests were invited “to hold services to consecrate the accepted temperance promise,” and in Tarusa Uyezd of Kaluga

⁶⁰ Opređenje Sv. Sinoda. 10 iyulya 1859 g.” [Decree of the Synod. July 10, 1859]. F. 59, op. 140, d. 560, ll. 32–33 ob. RGIA.

⁶¹ Ibid., ll. 33 ob.–35.

⁶² “Blend” [in Russian], in *Kolokol*, iss. 3 (1860): 566.

Governorate “the peasants of some villages refused to drink wine after the service.”⁶³ At the same time, a police chief from Smolensk Governorate reported that more than 2,000 peasants of Countess Ribopierre were convinced by the priests, “agreed not to drink wine and subjected violators to corporal punishment and monetary fines.”⁶⁴ Soon the same police chief added that the peasants had made that decision without outside interference, with “respect for order and deanery,”⁶⁵ and the clergy had not given any reason for the temperance vow. Inspector E. Korolenko discovered no priests’ initiative in organizing temperance societies in Tula, Kaluga and Smolensk Governorates.⁶⁶ Lentovsky, an archpriest of Krasnoslobodsk, Penza Governorate, knew about “the vow of local residents not to drink alcohol,” and on March 16, 1859, he held a solemn prayer service on that occasion in the market square, “consecrated the water” and sprinkled it on the audience. It was the prayer service “prescribed by the church to be held at the beginning of every good deed.” He usually held it, for example, at the beginning of work in the field. As the archpriest explained, he was motivated “not by selfish interests and malicious intent, but actually by zeal for piety and purity of morals.”⁶⁷

According to an explanation given by archpriest I. Karelin, in March 1859, the parishioners of the town of Nikopol in Yekaterinoslav Governorate (several thousand “free sailors” and state peasants) informed him of their decision “never to drink vodka, wine and other alcoholic drinks.” On Palm Sunday April 5 after the liturgy, the archpriest declared the public decision “publicly and for. . . the great grace of God” and held prayer service in the church.⁶⁸ The Synod had nothing to reproach him with.

⁶³ “Otnoshenie ministra vnutrennikh del ober-prokuroru Sv. Sinoda. 4 aprelya 1859 g.” [Relation from the Minister of Internal Affairs to the Chief Procurator of the Synod. April 4, 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, l. 2–2 ob. RGIA.

⁶⁴ “Donesenie nachal'nika Smolenskoi gubernii ministru finansov. 18 aprelya 1859 g.” [Report from the head of Smolensk Governorate to the Minister of Finance. April 18, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 214. RGIA.

⁶⁵ “Donesenie nachal'nika Smolenskoi gubernii ministru vnutrennikh del. 19 maya 1859 g.” [Report from the head of Smolensk Governorate to the Minister of Internal Affairs. May 19, 1859]. F. 571, op. 8, d. 195, l. 278. RGIA.

⁶⁶ “Raport Korolenko ministru finansov. 14 aprelya 1860 g.” [Report from Korolenko to the Minister of Finance. April 14, 1860]. F. 571, op. 8, d. 195, ll. 549–552. RGIA.

⁶⁷ “Raport Varlaama, episkopa Penzenskogo, Sv. Pr. Sinodu. 19 sentyabrya 1859 g.” [Report from Varlaam, Bishop of Penza, to the Synod. September 19, 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, ll. 44–45. RGIA.

⁶⁸ “Raport sekretarya Ekaterinoslavskoi dukhovnoi konsistorii ober-prokuroru Sv. Sinoda A.P. Tolstomu” [Report by the Secretary of the Ekaterinoslav Spiritual Consistory to the Chief Procurator of the Synod, A.P. Tolstoy]. F. 796, op. 140, d. 560, l. 26–26 ob. RGIA.

Kostroma bishop Platon conducted a thorough investigation on the request of the Synod and on the complaints of tax collectors. Two clergy inspectors went in each of the three most oppositional uyezds (Chukhloma, Galich and Soligalich uyezds). They were ordered

to learn about the parishes' opinion in relation to drinking beverages under taxation and if there are so-called temperance societies in any parish,⁶⁹

to identify them, to study their origin, the contribution of the clergy and its nature. The inspectors studied the actions of more than a dozen clergymen, including Buy Uyezd. By the end of 1859, the inspectors had not found any temperance societies, but they had noted that in the spring of 1859, the peasants “began to refrain from drinking vodka, and in some places they refused altogether.” As for the motives for temperance, the inspectors mentioned “information in the newspapers about the creation of temperance societies in different parts of Russia,” the example of neighbors, “the high cost of vodka and its very bad quality,” “the harmful consequences of drunkenness,” “the instructions of landowners,” and “mainly pastoral exhortations of priests who, without any force, both by their own example and by the word of religious teaching (in the homes on request and at other times), encouraged their parishioners to abstain from vodka”; and they performed “a good deed,” “especially in the church . . . following the custom of the Synod.”⁷⁰

In the Saratov diocese, the investigation was conducted by one of the deans. It turned out that on February 8, 1859, a service was held in the square in the town of Balashov, Saratov Governorate, at the request of the elder of petty bourgeoisie. It was told to priest V. Smirnov that the election of tax collectors held the day before was the reason. The priest allowed the believers to take out the icon of the Mother of God from the church. Without his knowledge, the elder and his assistants added banners to the icon and organized a bell ringing. The priest did not know anything about the vow not to drink vodka.⁷¹

Both the clerics and secular inspectors emphasized mainly socio-economic nature of the desire for temperance. The parishioners refused “to drink beverages under taxation,” urged “not to buy the taxed wine and not to drink anything other than grape

⁶⁹ “Donesenie Platona, episkopa Kostromskogo, Sv. Sinodu. 30 dekabrya 1859 g.” [Report from Platon, Bishop of Kostroma, to the Synod. December 30, 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, l. 58. RGIA.

⁷⁰ Ibid., ll. 58–74.

⁷¹ “Raport Ioannikiya, episkopa Saratovskogo, v Sv. Sinod. 17 dekabrya 1859 g.” [Report from Ioannikii, Bishop of Saratov, to the Synod. December 17, 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, ll. 49–51. RGIA.

wine and beer prepared in their homes.”⁷² They asked to hold a prayer service, so that they would not drink plain wine until prices were reduced, “until such wine would be sold for 3 silver rubles.”⁷³ In April 1859, they vowed not to drink until 1860.⁷⁴

As a result of the investigation, the white clergy received another order from the Synod to avoid actions that “looked like a solemn promise or oath.” In fact, that meant prohibiting the use of the church authority to encourage the desire for temperance. Severe punitive measures against those priests who actively contributed to the fight against drunkenness seemed indecent, and they got off with mild penalties for their ill-timed zeal. Krasnoslobodsk archpriest Lentovsky, who was distinguished by “exemplary zeal and piety,” received “a reprimand for holding a service without the permission of the diocesan authorities.”⁷⁵ Priest V. Smirnov allowed “the ringing of bells and the removal of banners” in Balashov. “The service seemed like a procession that could only be performed after the permission of the authorities.” The priest was reprimanded for “imprudence” “without entering the reprimand into his service record.”⁷⁶ All the clergy of the Kostroma diocese got off with a reprimand from the bishop. Only N. Sobolev, priest of Mirokhanovo village in Chukhlomsky Uyezd, was more seriously punished: according to him, he bought alcohol “in a city alcoholic beverages shop” during Lent at the request of “his sick parishioner” and in the presence of a tax farmer forbade a peasant from a neighboring parish to buy wine. Thus, according to the Synod, Sobolev “was suspected of illegal actions.” His behavior was approved, but he was summoned to the bishop’s house for a time that “would be considered sufficient for his trial.”⁷⁷

⁷² “Kopiya prosheniya upravlyayushchego Chukhlomskim piteinyim otkupom M.A. Kozhevnikova kostromskim voennomu i grazhdanskomu gubernatoram. Aprel' 1859 g.” [Copy of the petition from M.A. Kozhevnikov, manager of the Chukhloma tax-paying district, to the military and civil governors of Kostroma. April 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, ll. 7–8 ob. RGIA.

⁷³ “Proshenie balashovskogo 3-i gil'dii kuptsa L.G. Ogurtsova Ioannikiyu, episkopu Saratovskomu. Iyun' 1859 g.” [Petition from L.G. Ogurtsov, Balashov 3rd guild merchant, to Ioannikii, Bishop of Saratov. June 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, l. 29. RGIA.

⁷⁴ “Kopiya prosheniya oboim kostromskim gubernatoram ot upravlyayushchego Soligalitskim aktsiznym komissariatstvom A.T. Koteneva. Aprel' 1859 g.” [Copy of a petition to both Kostroma governors from A.T. Kotenev, manager of the Soligalich Excise Commissariat. April 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, ll. 11–12. RGIA.

⁷⁵ “Vypiska iz opredeleniya Sv. Sinoda. 2 noyabrya 1859 g.” [Extract from the resolution of the Synod. November 2, 1859]. F. 796, op. 140, d. 560, l. 47–47 ob. RGIA.

⁷⁶ “Vypiska iz opredeleniya Sv. Sinoda. 3 marta / 7 iyunya 1860 g.” [Extract from the resolution of the Synod. March 3 / June 7, 1860]. F. 797, op. 29, otd. 1, II st., d. 20, ll. 35–37 ob. RGIA.

⁷⁷ “Vypiska iz opredeleniya Sv. Sinoda. 3 marta / 15 iyunya 1860 g.” [Extract from the resolution of the Synod. March 3 / June 15, 1860]. F. 797, op. 29, otd. 1, II st., d. 20, ll. 47–49 ob. RGIA.

There was no information about the involvement of churchmen in the destruction of drinking houses in the Volga region. It was an important argument confirming that the Orthodox clergy did not inspire the temperance movement. Only in the town of Troitsk, Penza Governorate, deacon S. Rozhdestvensky, sexton M. Timofeev and sexton A. Ivanov appeared on May 29, 1859, as onlookers “in front of a crowd of raging peasants and thereby were suspected of participating in the riots they caused.” As a result, the deacon was sent to penance in a monastery for two months, and the sextons were sent there for a month.⁷⁸

The Synod’s orders called on the clergy to spread temperance only through sermons and personal example, which provoked an unexpected reaction. Not all priests understood that they were implicitly called to distance from temperance movement. Some of them, accustomed to discipline, took the circulars of the church authorities as a signal for the beginning of temperance teachings. The peasants also knew about the order received from the church authorities. At the beginning of 1860, complaints against the clergy appeared again, especially from Kiev Governorate and Kherson Governorate. The Minister of Finance was irritated by the new denunciations and directly accused the priests of causing damage to the treasury. The minister suggested that the Synod should instruct all clergy to call their parishioners

to abstain from drunkenness or from excessive addiction to hot drinks but did not prohibit them from moderate consumption of wine, which is necessary for the health of the working people.⁷⁹

The Synod was ashamed to order the clergy to promote drinking houses, but all complaints were again checked. The church inspectors confirmed that none of the priests declared the Synod’s decision in the churches. Many of them clearly understood the essence of the claims of the authorities and assured the inspectors that they were talking about the dangers of excessive use of vodka, but convinced the parishioners that “after work, it brings good, but only in small quantities.” Others explained that they advised parishioners not to get drunk in the tavern but “to use hot

⁷⁸ “Raport sekretarya Penzenskoi dukhovnoi konsistorii i. d. ober-prokurora Sv. Sinoda S.N. Urusovu. 30 iyunya 1859 g.; Raport sekretarya Penzenskoi dukhovnoi konsistorii ober-prokuroru Sv. Sinoda A.P. Tolstomu. 4 dekabrya 1859 g.; Raport sekretarya Penzenskoi dukhovnoi konsistorii ober-prokuroru Sv. Sinoda. 25 dekabrya 1859 g.” [Report from the Secretary of the Penza Spiritual Consistory to Chief Procurator of the Synod S.N. Urusov. June 30, 1859; Report of the Secretary of the Penza Spiritual Consistory to Chief Procurator of the Synod A.P. Tolstoy. December 4, 1859; Report of the Secretary of the Penza Spiritual Consistory to Chief Procurator of the Synod. December 25, 1859]. F. 797, op. 29, 2 otd. I st., d. 189, ll. 1–2, 5–6 ob., 7–7 ob. RGIA.

⁷⁹ “Otnoshenie ministra finansov ober-prokuroru Sv. Sinoda. 29 yanvarya 1860 g.” [Letter from the Minister of Finance to the Chief Procurator of the Synod. January 29, 1860]. F. 797, op. 29, otd. 1, II st., d. 20, l. 24 ob. RGIA.

wine in moderation and in their homes.”⁸⁰ Parishioners were also aware that they should speak up when they wanted to protect their priests. They sincerely reported that the priest urged them “not to go from church to tavern but to go home,” that “he did not forbid to drink” and advised “not to get drunk on vodka, but to drink moderately.”⁸¹ The inspectors also drew attention to the peculiarities of the temperance movement in Malorossia and Novorossiia. For example, the peasants of the village of Petrushki, Kanev uyezd, after listening to the teachings of the priest E. Levitsky about the temperance “on the occasion of a decrease in bread because of crop failure or hail, stopped drinking as much vodka as they used to drink, and some even stopped drinking it at all.”⁸² The priests also noted that the struggle against the tax-farming system could acquire some anti-Semitic orientation. For example, the peasants of the village of Shabelniki, Chigirin Uyezd, after listening to the teachings of a priest and

being very angry with the Jewish tax farmers for various insults and oppressions, were happy to answer that they not only wanted to refrain from excessive drinking of vodka and also agreed not to drink it at all.⁸³

The “insults” consisted in the short measure and dilution of vodka.

Some individual priests acted decisively, much like their Catholic colleagues. On December 6, 1859, A. Voynarsky, priest of the village of Shenderovka, Berdichev Uyezd, Kiev Governorate, was alarmed by noise in a tavern located near his house and church. Two hours after the liturgy, he went there with a sexton and ordered to seal one of the wine barrels.⁸⁴ On Sunday July 19, 1859, by order of D. Kalnev, priest of the Kherson village of Arbuzniki (near the Kherson military settlements), two drinking houses were locked up 10 minutes before the annunciation for the liturgy. The complaints of tax farmers were investigated by the Ministry of State Property and church inspectors. The minister noted that the tax collector had no right to oppose the clergy’s struggle for temperance and reminded that “the law prohibited the sale of hot drinks before the end of the liturgy” and that it was the police who should

⁸⁰ “Raport Arseniya, mitropolita Kievskogo, Sv. Sinodu. 30 iyunya 1861 g.” [Report from Metropolitan of Kiev Arsenii to the Synod. June 30, 1861]. F. 796, op. 140, d. 560, ll. 123 ob., 141–141 ob. RGIA.

⁸¹ Ibid., l. 124.

⁸² Ibid., l. 127–127 ob.

⁸³ Ibid., l. 125–125 ob.

⁸⁴ “Raport Dimitriya, arkhiepiskopa Khersonskogo, Sv. Sinodu. 23 avgusta 1860 g.” [Report from Archbishop of Kherson Dimitry to the Synod. August 23, 1860]. F. 796, op. 140, d. 560, ll. 114 ob.–116. RGIA.

monitor that. The priest was told that “in such cases, he was obliged to address the local village authorities” who “monitored the wine trade.”⁸⁵

The investigation of complaints against the clergy was conducted in 7 uyezds of Kiev Governorate and in one uyezd of Kherson Governorate. Most of the accusations of priests in forcible spread of temperance were groundless, and this was confirmed by landowners and their managers. 14 Kiev priests were released from punishment, some of them listened to suggestions in the church boards. N. Uspensky, priest of the town of Chernobyl, which became notorious at the end of the 20th century, was among those released from penalty. He was accused of shaving a peasant’s head “for refusing to stop drinking wine.” It turned out that the local blacksmith, “who was drunken, offended the priest,” for which “the hair on his head was cut off.” The blacksmith did not complain; moreover he died. The priest’s self-will did not attract the attention of his superiors.⁸⁶ The priest who had sealed a barrel of wine “was sent to the monastery administration for a month” “for the action indecent for his status” that interfered with the wine trade; a request was sent to the Kiev Governorate government to move the drinking house to a “legal distance” from the church.⁸⁷ Kherson priest D. Kalnev, who closed two drinking houses for the duration of the liturgy, “was given a proper admonition.” The head of the Kherson settlement filed a complaint to the vicar about the actions of the priests of Varvarovka and Bokovoe villages, I. Polyansky and K. Kryzhanovsky, who “urged the villagers not to drink wine at all, and. . . Polyansky obliged the parishioners with oaths and a fine.” As a result of the investigation, they were “instructed to act only by persuasion.” The case was transferred to the zemstvo court, which did not confirm the denunciation against K. Kryzhanovsky. The priest was released from the trial.⁸⁸ Apparently, the Synod and the bishop considered “admonition” to be sufficient punishment for them.

Conclusion

Thus, the investigation conducted by the Ministry of Finance, the Ministry of Internal Affairs, and the Synod revealed that neither the Orthodox nor Catholic clergy inspired and organized the temperance movement. A protest against the tax-farming system and the drunkenness provoked by it arose among the popular circles. The Catholic clergy of Lithuania and Western Belarus hastened to use the temperance

⁸⁵ “Raport Arseniya, mitropolita Kievskogo, Sv. Sinodu. 30 iyunya 1861 g.” [Report from Metropolitan of Kiev Arsenii to the Synod. June 30, 1861]. F. 796, op. 140, d. 560, l. 128. RGIA.

⁸⁶ “Raport Arseniya, mitropolita Kievskogo, Sv. Sinodu. 30 iyunya 1861 g.” [Report from Metropolitan of Kiev Arsenii to the Synod. June 30, 1861]. F. 796, op. 140, d. 560, l. 127. RGIA.

⁸⁷ *Ibid.*, l. 128–128 ob.

⁸⁸ “Raport Dimitriya, arkhiepiskopa Khersonskogo, Sv. Sinodu. 23 avgusta 1860 g.” [Report from Archbishop of Kherson Dimitry to the Synod. August 23, 1860]. F. 796, op. 140, d. 560, ll. 114–117 ob. RGIA.

movement in their class, religious, and national interests, and they succeeded due to the support of many local administrators, Catholics by religion. Individual Orthodox priests also sought to strengthen their influence and popularity. A considerable part of the Orthodox clergy could not resist the rush of their believers, and they were involved in the anti-alcohol movement by parishioners. The leaders of the Orthodox Church, who declared themselves guardians of morality, were forced to take a shameful ambiguous position. Under the pressure of the secular authorities, they had to join the struggle against the reduction of treasury revenues and in its interests approve “moderate use of hot wine.” The Synod felt awkward but found it necessary to organize an investigation into the temperance activities of the clergy, during which the priests had to justify their temperance sermons. The church authorities sought to demonstrate the loyalty of their subordinates to the official Petersburg and to prove their non-involvement in mass temperance campaign. The Synod managed to isolate the clergy from the mass popular temperance movement. However, the moral norms of Christianity and the interests of the state treasury diverged. That situation turned out to be extremely unpleasant and confusing, both for the ordinary Orthodox clergy and for the church authorities and did not contribute to the growth of their authority. It is known that the temperance movement of 1858–60 to have accelerated the abolition of the wine tax farming system in Russia.

Список литературы

Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск: ТУСУР, 2007. 196 с.

Гавлин М.Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи. XVIII–XIX вв. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13 / под редакцией Л.И. Бородкина. Москва: Издательство МГУ, 2007. URL: <https://clck.ru/3RsvVR> (дата обращения: 02.06.2024).

История Белорусской ССР / под редакцией Л.С. Абецдарского и др.: в 2 т. Т. 1. Минск: Издательство АН БССР, 1961. 655 с.

Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России. Москва: АСТ, ЛЮКС, 2005. 382 с.

Лазутка С.А. Революционная ситуация в Литве. 1859–1862 гг. Москва: Высшая школа. 1961. 260 с.

Лизунов П.В. Питейный откуп в России и его отмена // Питейное дело и трезвенническое движение в России с древнейших времен до наших дней: сборник материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) / составитель А.И. Раздорский. Санкт-Петербург; Москва: Старая Басманная, 2021. С. 238–249.

Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003.

Окунь С.Б. Предисловие // Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 гг.: сборник документов / под редакцией С.Б. Окуня, К.В. Сивкова. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1963. С. 5–37.

Похлебкин В.В. История водки. Москва: Центрполиграф, 2009. 268 с.

Протьюко Т.С. В борьбе за трезвость. Страницы истории. Минск: Наука и техника, 1988. 165 с.

Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Санкт-Петербург; Москва: Молодые силы, 1914. 282 с.

Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. Москва: Наука, 1990. 300 с.

Такала И.Р. Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России. Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 2002. 336 с.

Таутавичюс А., Юргинис Ю. и др. История Литовской ССР (С древнейших времен до наших дней). Вильнюс: Мокслас, 1978. 676 с.

Федоров В.А. Крестьянское трезвенное движение // Революционная ситуация в России в 1858–1860 гг. / под редакцией М.В. Нечкиной и др. Москва: АН СССР, 1962. С. 107–126.

Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). Москва: Русская панорама, 2003. 479 с.

Christian D. “Living water”: Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation. Oxford: Clarendon Press, 2001. 447 p.

Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. 507 p.

Pipes R. Russia under the Old Regime. New York: Scribner's sons, 1974. 361 p.

Treml V.G. Alcohol in the USSR: A Statistical Study. Durham, NC: Duke University Press in Cooperation with the Center of Alcohol Studies, Rutgers University, 1982. 103 p.

White S. Russia Goes Dry: Alcohol, State and Society. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1996. 250 p.

References

Afanas'ev, A.L. *Trezvennoe dvizhenie v Rossii v period mirnogo razvitiya. 1907–1914 gody: opyt ozdorovleniya obshchestva* [Temperance movement in Russia during the period of peaceful development. 1907–1914: The experience of health improvement in society]. Tomsk: TUSUR, 2007. (In Russian)

Christian D. “Living Water”: *Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation*. Oxford: Clarendon Press, 2001.

Fedorov, V.A. “Krest'yanskoe trezvennoe dvizhenie” [Peasant temperance movement]. In *Revolutsionnaya situatsiya v Rossii v 1858–1860 gg.* [Revolutionary situation in Russia in 1858–1860], edited by M.V. Nechkina et al., 107–26. Moscow: AN SSSR, 1962. (In Russian)

Fedorov, V.A. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyi period (1700–1917)* [Russian Orthodox Church and the state. The Synodal period (1700–1917)]. Moscow: Russkaya panorama, 2003. (In Russian)

Freeze, G.L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983.

Gavlin, M.L. “Vopros o vinnyh otkupah v istorii zakonodatel'stva Rossijskoj imperii. XVIII–XIX vv.” [The issue of wine tax farming in the history of legislation of the Russian Empire.

18th – 19th centuries]. In *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie* [Economic history. Review], iss. 13, edited by L.I. Borodkin. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2007. Accessed June 2, 2024. <https://clck.ru/3RsvVR> (In Russian)

Istoriya Belorusskoi SSR [The history of the Byelorussian SSR], 2 vols. Vol. 1, edited by L.S. Abetsedarskii et al. Minsk: Izdatel'stvo AN BSSR, 1961. (In Russian)

Kuruin, I.V., and E.A. Nikulina. “*Gosudarevo kabatskoe delo*”: *ocherki piteinoi politiki i traditsii v Rossii* [“The Tsar’s Tavern Business”: Essays on drinking policy and traditions in Russia]. Moscow: AST, LYUKS, 2005. (In Russian)

Lazutka, S.A. *Revolutsionnaya situatsiya v Litve. 1859–1862 gg.* [Revolutionary situation in Lithuania. 1859–1862]. Moscow: Vysshaya shkola, 1961. (In Russian)

Lizunov, P.V. “Piteinyi otkup v Rossii i ego otmena” [Alcohol tax in Russia and its abolition]. In *Piteinoe delo i trezvenicheskoe dvizhenie v Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 28–30 iyunya 2021 g.)* [The tavern business and the temperance movement in Russia from ancient times to the present day: Proceedings of the International Scientific Conference (St Petersburg, June 28–30, 2021)], compiled by A.I. Razdorskii, 238–49. St Petersburg; Moscow: Staraya Basmannaya, 2021. (In Russian)

Mironov, B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia during the imperial period (18th – early 20th centuries): The genesis of personality, democratic family, civil society, and the rule-of-law state], 2 vols. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003. (In Russian)

Okun', S.B. “Predislovie” [Preface]. In *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1857 – mae 1861 gg.: sbornik dokumentov* [The peasant movement in Russia in 1857–May 1861: A collection of documents], edited by S.B. Okun', and K.V. Sivkov, 5–37. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1963. (In Russian)

Pipes, R. *Russia under the Old Regime*. New York: Scribner's sons, 1974.

Pokhlebkina, V.V. *Istoriya vodki* [The history of vodka]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2009. (In Russian)

Prot'ko, T.S. *V bor'be za trezvast'. Stranitsy istorii* [In the struggle for temperance. Pages of history]. Minsk: Nauka i tekhnika, 1988. (In Russian)

Pryzhov, I.G. *Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriei russkogo naroda* [The history of taverns in Russia in connection with the history of the Russian people]. St Petersburg; Moscow: Molodye sily, 1914. (In Russian)

Rakhmatullin, M.A. *Krest'yanskoe dvizhenie v velikorusskikh guberniyakh v 1826–1857 gg.* [The peasant movement in the Great Russian governorates in 1826–1857]. Moscow: Nauka, 1990. (In Russian)

Takala, I.R. *Veseliye Rusi. Istoriya alkogol'noi problemy v Rossii* [The joy of Russia. History of alcohol issue in Russia]. St Petersburg: Zhurnal “Neva”, 2002. (In Russian)

Tautavichyus, A., Yu. Yurginis, et al. *Istoriya Litovskoi SSR (S drevneishikh vremen do nashikh dnei)* [The history of the Lithuanian SSR (From ancient times to the present day)]. Vilnius: Mokslas, 1978. (In Russian)

Treml, V.G. *Alcohol in the USSR: A Statistical Study*. Durham, NC: Duke University Press in Cooperation with the Center of Alcohol Studies, Rutgers University, 1982.

White, S. *Russia Goes Dry: Alcohol, State and Society*. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1996.

Информация об авторах

Татьяна Георгиевна Фруменкова – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.), почетный доцент РГПУ им. А.И. Герцена; <https://orcid.org/0000-0002-6708-8233>, frumentat@yandex.ru, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (д. 48, наб. реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия).

Людмила Геннадьевна Рогушина – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, <https://orcid.org/0000-0002-1552-4849>; lrogushina@yandex.ru, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (д. 48, наб. реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия).

Information about the authors

Tatiana G. Frumenkova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History (19–21st centuries), Honorary Associate Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6708-8233>, frumentat@yandex.ru, Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Lyudmila G. Rogushina – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History (19–21st centuries) of Herzen State Pedagogical University of Russia, <https://orcid.org/0000-0002-1552-4849>, lrogushina@yandex.ru, Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов

Определение цели и задач исследования на основе изучения научной литературы и исторических источников, обобщение результатов анализа литературы и источников, написание основной части текста – Т.Г. Фруменкова (доля вклада автора – 2/3).

Определение корпуса источников и научной литературы, первичная обработка источников, написание части текста – Л.Г. Рогушина (доля вклада автора – 1/3).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contribution Statement

Definition of the purpose and objectives of research based on the study of scientific literature and historical sources, generalization of the results of the analysis of literature and sources, writing of the main part of the text by T.G. Frumenkova (the share of the author's contribution is 2/3).

Definition of the corpus of sources and scientific literature, primary processing of sources, writing of part of the text by L.G. Rogushina (the share of the author's contribution is 1/3).

The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 31.01.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 12.08.2025.

The article was submitted 31.01.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication 12.08.2025.